

Центр геополитических исследований
Института стратегического анализа и прогноза
Кыргызско-Российского Славянского университета

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СТАБИЛЬНОГО И БЕЗОПАСНОГО
РАЗВИТИЯ КЫРГЫЗСТАНА**

Сборник статей

Бишкек • 2015

УДК 323/324
ББК 66.3(2Кн)
А 43

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Кыргызско-Российского Славянского университета*

Отв. редактор:
кандидат политических наук А. Л. Салиев

Рецензенты:
*доктор юридических наук, профессор Б. Г. Тугельбаева
кандидат политических наук А. Т. Эсенбекова*

Авторский коллектив:
*А. Л. Салиев, М. Н. Омаров, М. К. Асанбеков, Р. В. Вейцель,
З. Т. Мураталиева, Н. С. Таткало, Р. М. Токсоналиева*

**А 43 Актуальные проблемы стабильного и безопасного
развития Кыргызстана: Сб. статей / ИСАП КРСУ;
Отв. ред. А. Л. Салиев. – Бишкек, 2015. – 138 с.**

ISBN 978-9967-19-314-7

Издание посвящено исследованию актуальных проблем стабильного и безопасного развития Кыргызстана, выявлению роли правовых, интеграционных, миграционных и иных процессов в исторической ретроспективе и их влияния на становление современного демократического общества. Затрагиваются вопросы взаимодействия геополитических центров силы в Центральной Азии, определяются перспективы трансформационных процессов в регионе и роль внешних воздействий на их развитие. Статьи сотрудников Центра геополитических исследований ИСАП КРСУ предназначены как для политиков и политологов, студентов и аспирантов, так и всех интересующихся политической жизнью страны.

А 0803010200-15

**УДК 323/324
ББК 66.3(2Кн)**

ISBN 978-9967-19-314-7

Вступительное слово

Народ Кыргызстана, пройдя за четверть века независимого развития сложный и неоднозначный путь становления и укрепления государственности, успешно развивая её демократические институты, преодолевая на этом пути трудности и препятствия, вступил в новый этап своей истории, знаменующий собой переход к стабильному, устойчивому развитию. Однако это движение вперёд по пути демократии и прогресса сопряжено с преодолением многих трудностей, от решения которых зависит его будущее. В частности, страна сталкивается с геополитическими реалиями как в области внешней, так и внутренней политики, угрожающими её безопасности и требующими оптимального варианта их решения.

Научно-педагогический коллектив КРСУ вносит свой вклад в исследование проблем, способствующих поступательному развитию Кыргызстана, укреплению его безопасности и стабильности общества и государства. Одним из практических шагов в этом плане считаю создание Центра геополитических исследований в качестве специализированного научно-исследовательского подразделения Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российского Славянского университета. Перед его сотрудниками поставлена важная задача участия в решении проблем, затрагивающих вопросы безопасности, национальных интересов, преодоления существующих угроз и определения перспектив развития Кыргызской Республики в складывающихся геополитических условиях. Не менее важной проблемой является внедрение результатов научно-исследовательской и аналитической работы Центра в деятельность

государственных структур страны. Предстоит также предпринять усилия по вовлечению в его работу интеллектуальных, творческих сил республики.

Первым конкретным шагом на пути решения этих задач является издание сборника статей, затрагивающих актуальные вопросы безопасности и стабильного развития страны. Уверен, что данное издание, подготовленное к печати коллективом Центра геополитических исследований, положит начало его плодотворной деятельности на благо Кыргызстана. Желаю дальнейших творческих успехов сотрудникам Центра, активного участия в решении задач, способствующих продвижению Кыргызстана по пути демократии и процветания.

Академик, ректор КРСУ В. И. Нифадьев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленный сборник научных статей является первым итогом научно-исследовательской работы, выполненной группой сотрудников Центра геополитических исследований Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российского Славянского университета.

Вновь созданное научное учреждение ставит целью своей деятельности активное участие в решении теоретических и практических задач, направленных на развитие и укрепление демократических процессов в Кыргызстане, преодоление угроз национальным интересам и безопасности страны, с учётом современных геополитических реалий. Необходимость его создания связана с определённым усложнением международной обстановки, нарастанием кризисных явлений в мировой экономике, ростом угроз международного терроризма. Новые реалии мировой политики и экономики, новые геополитические реальности оказывают непосредственное влияние и на Кыргызстан.

В сборнике затрагивается широкий круг проблем и болевых точек, касающихся ряда важных проблем развития Кыргызстана, оказывающих непосредственное и не всегда позитивное влияние на функционирование институтов власти, внешних и внутренних воздействий, представляющих собой реальную угрозу его национальной безопасности.

Авторы статей, представленных в данном издании, также стремились акцентировать внимание читателей и на некоторых методологических вопросах, касающихся состояния и перспектив решения в Кыргызстане ключевых институциональных проблем, ориентированных не только на его настоящее, но и на будущее. В частности, до сих пор нет ясности в вопросе о форме и содержании демократической государственности, нет чёткого видения конечной цели развития Кыргызстана и путей её достижения. Весьма противоречивыми продолжают оставаться

и оценки нынешнего этапа государственного строительства и состояния институтов государства, воздействия на них коррупции, традиций трайбализма, семейственности, пережитков родового общества. В частности, в статье А. Л. Салиева, с использованием широкого круга источников и документов, проанализирована роль народных судов в Туркестане в период нахождения его в составе Российской империи. Как известно, система судопроизводства суверенного Кыргызстана пока что далека от совершенства, поэтому крайне важно найти её болевые точки, определить глубинные причины нынешнего состояния и предложить меры, направленные на их преодоление. Автор приходит к выводу о сохранении преемственности воздействия определённых сил на систему судов современного Кыргызстана, доставшуюся ему в наследство от прошлого, и считает необходимым учитывать этот фактор в процессе реформирования современной судебной системы страны.

Блок статей, представленных в сборнике, посвящён важным проблемам развития демократических институтов в Кыргызстане. Страной сделан демократический выбор, однако пути достижения демократии и по настоящее время во многом продолжают оставаться неясными. Говоря об успешном развитии демократических институтов в странах Европы, обычно ссылаются на то, что в них на это ушло несколько веков. В то же время, как правило, совершенно не идёт речь о конкретном содержании этих веков, нет описания многообразных мер, осуществлённых элитой этих стран, для становления и успешного развития в них демократических институтов. В частности, в статьях М. Н. Омарова в научный оборот вводится понятие «наличия среды готовности» как обязательного условия успешного развития демократии в странах постсоветского пространства, в том числе и Кыргызстана. В них, вниманию читателей представлен опыт становления ряда фундаментальных европейских институтов, в том числе правового государства и класса рациональной бюрократии, сыгравших важную роль в превращении стран Европы в светские, демократические, правовые государства, без наличия которых развитие демократии невозможно. При этом речь не идёт о слепом копировании опыта перехода

к демократии стран Запада, но в то же время обосновывается обязательность осуществления Кыргызстаном ряда процедур, решаемых, по возможности, иными средствами и методами, чем в европейских странах.

В статье Н. С. Таткало автор приходит к выводу о том, что отсутствие либерально-демократической рациональности избирательного корпуса Кыргызстана является серьёзным препятствием стабильного развития в нём демократических институтов. Следовательно, её формирование является важной целью, решать которую необходимо незамедлительно.

Одна из статей З. Т. Мураталиевой посвящена анализу важной проблемы, связанной с ходом и содержанием трансформационных процессов в государствах Центральной Азии, формирующих их будущий облик. Как известно, Кыргызстан вступил в трансформационный этап своей истории, однако многие его стороны изучены недостаточно либо не изучены вообще, в связи с чем данная статья представляет не только теоретический, но и практический интерес.

В другой статье З. Т. Мураталиевой рассматриваются вопросы геополитической расстановки сил в Центральной Азии и ее последствий для экономического и политического развития стран региона. Геополитические реалии в настоящее время, считает автор, ставят перед Кыргызстаном совокупность задач, преследующих цель закрепления за ним статуса равноправного актора мировой политики.

Актуальным на данный момент вопросам сущности евразийской интеграции, в связи с непосредственным участием в ней Кыргызстана, посвящена статья М. К. Асанбекова. Автор акцентирует внимание читателя на методологических проблемах нового типа интеграции, имеющей судьбоносное значение для нашей страны.

В статье Р. М. Токсоналиевой исследованы проблемы внешнего информационно-психологического воздействия на Кыргызстан как одного из важнейших факторов непосредственного влияния на безопасность страны. Начало XXI века привнесло в теорию и практику мировой геополитики новые методы воздействия на идеологию, экономику и политику, общественную

жизнь многих стран мира, в том числе и нашей страны. Однако статьи, посвящённые данной проблеме в настоящем сборнике, пока что во многом носят постановочный характер в связи с неизученностью этой крайне важной для Кыргызстана темы.

Не менее важным для современного Кыргызстана миграционным проблемам посвящены статьи Р. В. Вейцеля. Рост социальной мобильности населения, имеющий следствием невиданный ранее всплеск внутренней и внешней миграции, помимо прочих последствий оказывает негативное влияние и на безопасность страны. Решение проблемы миграции остаётся важнейшей политической и социальной задачей, стоящей на повестке дня всех ветвей власти и общества Кыргызстана.

Сотрудники Центра геополитических исследований и в дальнейшем будут наращивать усилия для исследования актуальных и важных для Кыргызстана проблем, связанных с защитой его национальных интересов и безопасности, выбором оптимальной модели развития государства и общества, укрепления подлинно демократических институтов. Во главу угла при этом будут также поставлены вопросы геополитики, внешнеполитических ориентаций Кыргызстана, развития стратегии его внешней политики.

Материалы сборника статей, по мнению авторов, привлекут внимание аналитиков и экспертов, студентов и аспирантов, всех интересующихся проблемами геополитики и международных отношений, вопросами институционального развития Кыргызстана.

**НАРОДНЫЕ СУДЫ В СИСТЕМЕ
ОРГАНОВ «ТУЗЕМНОГО»
САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ЦАРИСТСКОМ ТУРКЕСТАНЕ**

Судебная власть является одной из трех ветвей государственной власти. Как правило, ее функционирование исследуется отдельным образом, однако о ее органическом единстве с законодательной и исполнительной ветвями власти не следует забывать. Это напрямую относится и к предмету исследования данной статьи, а именно: месту и роли «туземной» судебной власти в системе общих органов местного самоуправления коренного населения на российских территориях в дореволюционной Средней Азии. Естественно, что преимущественным образом предполагается рассмотреть проблему деятельности судебных органов в среде кочевого населения этого региона.

Можно утверждать, что после присоединения Средней Азии к России в 1860-х годов царская власть сразу же взяла курс на учреждение здесь органов «туземного» самоуправления. По мнению авторитетных специалистов, уже «во временном Положении 1865 года¹ содержалась характеристика управления коренным населением Туркестанской области <...> Закон включал список туземных должностных лиц. Для кочевников это родоправители, *бии*, *мананы*. Для оседлых – *аксакалы*, *раисы*, *базар-баши* и *казии* <...> Казии исполняли обязанности судей для городских жителей, а бии – для кочевников»² (курсив наш. – А. С.).

Дореволюционный исследователь В. Гессен писал о том, что царское правительство старалось сохранить специфику

¹ Имеется в виду: Высочайше утвержденное Временное положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 г. // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. – СПб., 1867. – № 42372. – С. 876–881.

² Центральная Азия в составе Российской империи (Коллект. монограф.). – М., 2008. – С. 89.

традиционного суда народов окраин Российской империи, надеясь, что «именно этот окраинный порядок обеспечит и объединение судебного устройства и приближение судебной власти к населению, и возможное упрощение судебной организации и последовательного применения ко всем частям судоустройства (в том числе «туземного». – А. С.) начала государственного значения суда»¹. С ним вполне можно согласиться, так как «окраинный порядок» организации суда местного коренного населения действовал еще до присоединения Средней Азии к России в таких регионах, как Башкирия, Сибирь, Кавказ и др.

Понятно, что организация такого «порядка» судоустройства и судопроизводства была весьма непростым делом. Авторы «Объяснительной записки к Проекту и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сырдарьинской областей» в разделе «Устройство суда» писали о том, что организация «туземного» суда в Туркестанском крае – труднейшая задача для русского правительства. Они рекомендовали решать ее очень осторожно, не спеша, не допуская ошибок, поскольку каждая из них может повлечь за собой нежелательные пагубные последствия и т. п. Эти авторы, пожалуй, первыми озвучили тезис о смычке власти и суда в системе планируемых органов местного самоуправления у кочевников Туркестанской области и Алатавского округа² «родоначальники успели захватить в свои руки административную и судебную власть»³ (курсив наш. – А. С.). При этом деятели так называемой «Степной комиссии», о которой упоминалось выше, указывали, что такое положение явно противоречит правительственным интересам в Туркестане. Видный советский этнограф-номадовед С. М. Абрамзон объяснял данное обстоятельство тем, что «основной костяк киргизского общества в дороссийский период составляли феодальные владетели; они, в руках которых

¹ Гессен В. Судебная реформа. – СПб., 1905. – С. 236.

² Алатавский округ был учрежден в 1862 г. и включал в себя территории, позже отошедшие к Семиреченской области, образованной в 1867 г.

³ Объяснительная записка к Проекту и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сырдарьинской областей // Проект положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. – СПб., 1867. – С. 16.

сосредоточивалось руководство общественной жизнью, в том числе и суд, – *главнейшая функция управления в то время*. Поэтому в дальнейшем звание бия стало отождествляться со званием судьи. Но в действительности положение бия определялось не судебными функциями, а господством в жизни киргизского общества»¹ (курсив наш. – А. С.).

Следует обратить внимание на то, что, по мнению Абрамзона, судебная функция являлась главной в жизни патриархального кочевого общества в Туркестане к моменту утверждения здесь царской власти. Естественно, что царизм должен был учитывать это обстоятельство, которое может быть объяснено на конкретном примере того времени. Так, бывший начальник Иссык-Кульского уезда Семиреченской области подполковник Г. С. Загряжский писал в 1874 году² о том, что «в Кетмень-Тюбинской волости всем заправлял Рыскулбек Нарбутин, ныне умерший <...> С киргизов он брал за свадьбу, за похороны, за обрезание. При кочевках никто не смел раньше него трогаться с места и идти вперед его стад. Такое положение скопило у него огромное состояние и дало почти ханскую власть над народом. Жаловаться на него нечего было и думать, потому что просителя поймают джигиты и сделают, что будет приказано. Рыскулбек приказал выбрать угодных ему лиц в аульные старшины и бии, а волостным он назначил своего брата Керимбека, который служил у него джигитом»³.

Считаем нужным пояснить, что Рыскулбек Нарбутин был манапом кыргызского племени саяк. 25 октября 1864 года, еще до взятия русскими войсками Ташкента, он писал командиру российского экспедиционного отряда М. Г. Черняеву: «Я, Рыскулбек, кочующий между Андижаном и Кетмень-Тюбе и управляющий десятью тысячами кибиток саяковского рода, изъявляю настоящим письмом свое желание вступить в верноподданство Белого Царя вместе с управляемым мною народом. Если просьба

¹ Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1971. – С. 158.

² В это время Г. С. Загряжский был уже воинским начальником в одном из уездов западной России.

³ Загряжский Г. С. Заметки о народном суде каракиргиз // Материалы для статистики Туркестанского края: Ежегодник. – Вып. 3. – СПб., 1874. – С. 263.

эта будет принята и Вы сообщите мне о том, то я, оставаясь на местах прежних своих кочевков, буду служить Государю и Вам. Места на Кетмень-Тюбе с давнего времени принадлежат мне, и я оттуда никуда не уйду»¹. Обращение манапа Рыскулбека с просьбой о принятии российского подданства объяснялось тем, что в последнее время его теснили крупные кыргызские племена сарыбагышей и солто. Он надеялся, что, вступив в союз с русскими, получит от них помощь в борьбе со своими противниками.

Как бы там ни было, но приведенный пример свидетельствует о том, что до прихода России в Среднюю Азию в кочевой среде региона повсеместно господствовала власть родоначальников, в том числе и судебная. Один из видных туркестанских администраторов Ю. Д. Южаков указывал, что в до-русский период «в сущности у киргизов² не было биев как установленных или постоянных судей. Биями назывались родоправители и судьи; но суд биев состоял из лиц, избираемых тяжущимися на каждый случай особо. Таким бием мог быть всякий, кого только пожелает тяжущаяся сторона, но обыкновенно избирали лиц, пользующихся общим уважением и хорошо знающих киргизский адат (обычное право киргиз)»³. По его мнению, звание бия как судьи в до-русский период было знаком высокого ума, уважения, авторитета и т. п., а сам суд биев «*был простой, бесформенный (то есть не заформализованный. – А. С.), гласный, открытый, всем доступный, всем понятный, свой, домашний суд. Киргизы ценили и дорожили им как святыней. Мы опрокинули вверх дном этот истинно народный суд. Мы оформили его, дали ему прочную организацию, несколько регламентировали и наименовали его народным*»⁴ (курсив наш. – А. С.). Южаков писал о том, что «бии разбирали и решали дела строго по адату <...>нарушение адата неминуемо поколебало бы власть

¹ Цит. по: Хрестоматия по истории Кыргызстана (с древнейших времен до XX в.). – Бишкек, 1997. – С. 248–249.

² «Киргизами» в то время называли всех (кроме туркмен) кочевников Туркестана.

³ Южаков Ю. Д. Итоги двадцатисемилетнего управления нашего Туркестанским краем. – СПб., 1891. – С. 9.

⁴ Там же. – С. 38.

родоправителя и доверие к судьям» (курсив наш. – А. С.). При этом он отмечал, что, однако, «по исполнению судебных решений и домашних и семейных обязательств обычай часто нарушался и не исполнялся»¹. Таким образом, исходя из мнения Ю. Д. Южакова, можно утверждать, что в традиционном кочевом обществе в Средней Азии административная власть бия – родоправителя была тесно переплетена с судебными функциями, независимо от того, сам ли он исполнял роль судьи или это делали другие люди, на то им уполномоченные. Поэтому смычка «туземной» власти (волостных и аульных старшин) в кочевых районах царистского Туркестана с представителями народного суда, *основы которой были заложены здесь еще до прихода России в Среднюю Азию*, после установления царистского господства в регионе не только не ослабла, но и, напротив, лишь усилилась.

Помощник военного губернатора Сырдарьинской области полковник Н. Дингельштедт свидетельствовал о том, что суд биев у кочевников Туркестанского края «был страшно невежественным <...> в чем заключался адат (обычное право. – А. С.) – это было неизвестно даже в общих чертах». Он отмечал, что именно поэтому в суде биев «хозяйничали богатые родовичи». Дингельштедт заявлял: «Ни для кого не секрет, что, например, у киргиз фактически несравненно более решали дела волостные управители, чем судьи»² – и подчеркивал: «Опыт и наблюдение удостоверяют, что единоличный киргизский бий как судебная власть представляет до того ничтожное значение, что *фактически все спорные дела киргиз решают вовсе не бии, а волостные управители*»³ (курсив наш. – А. С.).

Подобное обстоятельство отмечал в своем «всеподданнейшем» отчете за 1896 год военный губернатор Ферганской области генерал-майор Повало-Швейковский, указывавший на то, что «народный суд <...> поставлен в совершеннейшую независимость от русской администрации и постепенно превращается в произвол нравственно и умственно неразвитых выборных

¹ Южаков Ю. Д. Итоги двадцатисемилетнего управления... – С. 9.

² Дингельштедт Н. Судебное преобразование в Туркестане. – Б. м., 1892. – С. 44.

³ Там же. – С. 50.

волостных старшин и туземных судей, которые мешают нашей администрации оказывать воспитательное воздействие на народ»¹.

Мнение ферганского губернатора о «совершеннейшей независимости» народного суда от царской администрации представляется нам весьма спорным, хотя относительно независимым от нее такой суд, на наш взгляд, все-таки был. Во-первых, независимость народного суда от администрации регламентировалась законами², а во-вторых, царская власть при всем своем желании не могла эффективно контролировать деятельность народных судов кочевого населения Туркестана, фактически перманентно находившегося в динамике перемещения по всей огромной территории региона³. Ей было проще держать под надзором и контролем народные суды оседлого населения, действовавшие на основе мусульманского права (шариата). Шариатские суды (казиев) находились всё время в одном и том же месте. В отличие от них выборные кочевые судьи-бии постоянно меняли свое местопребывание, передвигаясь вместе со своими избирателями. Учитывая это обстоятельство, трудно поверить тем, кто сегодня утверждает о тотальном контроле русского царизма над всеми сторонами жизни коренных народов Туркестана, особенно кочевых, включая, естественно, и сферу их судостроительства и судопроизводства⁴. Думается, более правы известные кыргызстанские историки академики В. М. Плоских и Д. Д. Джунушалиев, признающие, что «царская администрация мало вмешивалась в управление кыргызским населением. Здесь вся полнота власти

¹ Отчет Ферганского губернатора за 1896 год // РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 240. Л. 166.

² Проект «Туркестанского положения» 1867 г. и «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г.

³ Территория царского (так называемого «Русского») Туркестана составляла в то время около 2 млн кв. км.

⁴ См., напр.: *Абдакимов А.* История Казахстана. – Алматы, 1994. – С. 70–72; *Артыкбаев Ж. О.* История Казахстана. – Астана, 1999. – С. 181, 188, 195 и др.; *Кузембайулы А., Эбил Э.* История Республики Казахстан. – Астана, 1999. – С. 243; *Нуртазина Н. Д.* Казахстан и Средняя Азия: тенденции развития духовной общности на рубеже XIX–XX вв. – Алматы, 1993.

была передана кыргызским феодалам»¹. Они же отмечают и подконтрольность суда биев преимущественно манапам и родопривителю.

То, что царская власть в Туркестане не имела тотального контроля над судами биев в регионе, который находился в руках родовой кочевой аристократии, в лице так называемой «туземной администрации» подтверждается и документальными источниками. Глава правительственной «ревизии» Туркестанского края 1882–1883 годов, сенатор, тайный советник Ф. К. Гирс, признавая наличие смычки власти волостных и аульных старшин кочевников с народными судами биев, весьма скептически расценивал возможности русской власти в установлении эффективного контроля за последними и предлагал предоставить право народным судьям самим изгонять из своей среды тех, кто порочит звание судьи, занимается взяточничеством, мздоимством и т. п.². Это сенаторское предложение может показаться наивным, однако, на наш взгляд, лишь отчасти, поскольку в «кочевом» судебском корпусе Туркестана в то время было немало и таких биев, которые дорожили своей репутацией, старались судить честно и по справедливости. Номады региона даже сложили поговорки: «У справедливого судьи нет родни, у судьи с родней – нет совести», «Был когда-то адат орлом, да бии сделали его общипанной вороной» и др.

Помощник военного губернатора Самаркандской области генерал-майор В. Медынский писал 17 марта 1899 года в записке, предназначенной для военного министра Куропаткина, о том, что ранее, по проекту «Туркестанского положения» 1867 года, канцелярией уездного начальника заведовал его помощник (параграф 70. – А. С.), тогда как по «Положению об управлении Туркестанским краем» 1886 года (примечание к статье 51) он «обращен в участкового пристава», и поэтому сам начальник уезда вынужден заниматься делами своей канцелярии, поскольку секретарь уездного правления, при жалованье в 900 рублей в год,

¹ Плоских В. М., Джунушалиев Д. Д. История кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 2009. – С. 170–171.

² См.: Отчет ревизиющего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса... – СПб., 1884. – С. 340.

сам не может вести сложное делопроизводство. В связи с этим уездный начальник должен сам выполнять много бумажной письменной работы, а потому ему часто некогда руководить уездом»¹. Естественно, при таком положении установление результативного контроля над деятельностью народных судов со стороны уездной администрации представлялось маловероятным.

Это подтверждал и руководитель правительственной «ревизии» Туркестанского края в 1908–1909 годов сенатор К. К. Пален, который в своем «всеподданнейшем» отчете отмечал, что начальники уездов областей Туркестанского края плохо контролируют деятельность народных судов кочевого населения региона и даже не знают о многих их решениях, особенно по «мелким» делам².

Известный специалист по судебным вопросам Туркестана и «степных» областей И. И. Крафт, указывал, что для того, чтобы умерить произвол народных судов, действующих по указке кочевой родоплеменной знати в лице волостных управителей и волостных старшин, надо вверить контроль над ними «органам, близко знакомым с местными условиями и особенностями»³. По его мнению, такими органами могли бы стать «крестьянские начальники», о которых император Николай II похвально писал в резолюции на «всеподданнейшем» докладе «Степного» генерал-губернатора за 1897 год. Позже, законом от 10 июня 1902 года, в Степном крае была введена должность «крестьянского начальника», но она не распространялась на Семиреченскую область, поскольку та находилась в составе Туркестанского края, а «Степным положением» 1891 года, на основании которого она управлялась, такая должность изначально не была предусмотрена.

Советская историография разделяла мнение о том, что царская власть не имела эффективных рычагов влияния на народные суды, отражавшие преимущественно интересы местной

¹ Цит. по: Материалы по истории политического строя Казахстана. – Т. 1. – Алма-Ата, 1960. – С. 408.

² См.: Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края... – СПб., 1910. – С. 80.

³ Крафт И. И. Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях. – Оренбург, 1898. – С. 103.

аристократии в лице «туземной» администрации. В частности, по мнению советского туркестановеда Т. С. Саидбаева, после присоединения Средней Азии к России русские власти только формально надзирали за деятельностью народных судов, но фактически необходимого контроля со стороны русской администрации не осуществлялось, и они действовали так, как и до присоединения к России.

Несколько иной точки зрения придерживался казахский советский исследователь К. А. Жиренчин, писавший о том, что «суд биев находился в полной зависимости от колониальной администрации и *органов “общественного самоуправления”*»¹ (курсив наш. – А. С.). Мы полагаем, что он тоже был прав, так как «полная зависимость» кочевого суда от царизма и пребывание под жестким контролем последнего – понятия, на наш взгляд, явно не тождественные.

Как отмечалось, законом от 2 июня 1898 года в Туркестане была проведена судебная реформа, суть которой заключалась в распространении на этот регион «Судебных уставов» 1864 года. Однако она фактически никак не отразилась на союзе «туземной» администрации и народного суда как двух главных звеньях самоуправления коренных народов Средней Азии. Более того, есть все основания полагать, что взаимовыгодное «сотрудничество» волостных и аульных старшин с народными судьями – биями в последующем только укреплялось и совершенствовалось. И для того, чтобы этот вывод не казался голословным, можно сослаться на конкретные факты того времени.

Младший чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области Бердыбек Сыртыков писал в июне 1907 года последнему в докладной записке о том, что «народным судом, *который всецело в его руках, волостной управитель губит своих противников*. Через подставных лиц предъявляет к ним ложные иски, обвиняя в кражах. При разборе дела *народные судьи пишут решения по подсказу волостного управителя*, приговаривая во всех случаях к тюремному заключению для того, конечно, чтобы эти киргизы не могли баллотироваться

¹ Жиренчин К. А. Реформы управления 60-х годов XIX века в Казахстане и их политические и правовые последствия. – Алма-Ата, 1979. – С. 18.

на какие-либо должности в волости, чем и объясняется то обстоятельство, что в некоторых волостях волостные управители – или мальчишки или же какие-нибудь идиоты, за которых часто управляют волостями отсидевшие раньше в тюрьмах их близкие родственники»¹ (курсив наш. – А. С.).

Такое положение складывалось потому, что, согласно статье 64 «Степного положения» 1891 года,² на должность волостного управителя или аульного старшины мог «быть избран каждый кибитковладелец волости или аульного сообщества, по принадлежности, не подвергавшийся по суду взысканиям, превышающим семидневный арест или денежное взыскание в тридцать рублей, не находящийся под следствием и судом»³. Любопытно, что такие же требования этот документ предъявлял в статье 113 и к избранию народных судей, однако если возрастной ценз для волостных и аульных старшин составлял 25 лет, то для судей-бив в «степных» областях он был намного выше – 35 лет⁴.

Сыртыков отмечал, что «народные судьи и аульные старшины должны быть избираемы аульными сходами, каждый по своему аулу. Аульному обществу больше всех известно, кто у них может занять должность судьи или старшины, и в силу соблюдения своих личных интересов оно должно избирать на эти должности самых лучших людей <...> При установлении такого порядка численность аульного общества не должна быть менее 250 кибитковладельцев и более 500 – так как аульные общества с меньшим числом кибитковладельцев с трудом будут отбывать денежную повинность. Народные судьи и аульные старшины должны быть устранимы аульным сходом с должностей при первом же установлении противозаконного их поступка, для преследования которого законным путем аульный сход должен немедленно представить копию своего приговора уездному начальнику»⁵.

¹ Цит. по: Материалы по истории полит. строя Казахстана... – С. 412.

² Высочайше утвержденное Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. 25 марта 1891 г. // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. – СПб., 1900. – С. 259–270.

³ Там же. – С. 264.

⁴ Там же. – С. 266.

⁵ Цит. по: Материалы по истории полит. строя Казахстана... – С. 413.

Подобного рода документы достигали порой вершин государственной власти, которая, надо отметить, принимала их во внимание. Так, 17 февраля 1910 года, министр внутренних дел и председатель Совета министров П. А. Столыпин обратился к военным губернаторам пяти «степных» областей с циркулярным предписанием, в котором отмечал, что «киргизская волость не только единица административная, но еще в значительной степени – экономическая, в которой сосредоточены все жизненные интересы аульных обществ, входящих в ее состав. Главнейшая основа экономического благосостояния киргиз – *земля находится в распоряжении волости; от нее зависит распределение и передел угодий между аулами; от нее зависит разрешение земельных споров между обществами; она разверстывает подати между аулами, она же избирает народных судей.* Естественно, что в таких условиях *волостной управитель является полным хозяином волости и вершителем судеб населения.* Опираясь на волостной съезд выборных, *он чрез них проводит в судьи тех лиц, кои угодны ему и его партии;* он чрез них же распределяет земли так, как это выгодно ему или его приверженцам, не щадя даже тех, у кого фактическое пользование (землей. – А. С.) уже установилось; при помощи того же съезда он перекладывает значительную часть податного бремени на своих противников. Все эти своекорыстные счета в большинстве случаев осуществляются беспрепятственно, ибо жалобы потерпевших только ухудшают их положение, так как против жалобщиков возбуждаются всевозможные фиктивные и вымышленные дела гражданского и особенно уголовного характера, по которым *послушный управителю суд, пополняемый людьми одной партии, присуждает своих противников не только к разорительным в хозяйственном отношении штрафам, но и к тяжким уголовным наказаниям, достигая сразу двух целей – имущественного разорения и партийной безвредности противников.* Изложенное само собой подсказывает и тот путь, по которому должна идти реформа общественного управления и суда киргиз. Величайшее зло киргизского быта – партийные раздоры – прекратится само собой, если будут уничтожены средства, его питающие и поддерживающие, и в этом отношении, прежде всего, *киргизская волость*

должна быть единицей чисто административной; все же дела экономического характера должны перейти к аулу; затем должна быть изменена нынешняя система податного обложения и заменена такой, которая, устраняя какое бы то ни было влияние волостного или аульного съезда на обложение населения податями и раскладку их между отдельными плательщиками, с тем вместе отвечала бы, по своим основаниям, интересам населения и государства»¹ (курсив наш. – А. С.).

Безусловно, Столыпин вряд ли исходил в данном случае непосредственно из докладной записки неизвестного ему семиреченского чиновника-казаха, но материалы недавно состоявшейся (в 1908–1909 годах) правительственной «ревизии» Туркестанского края он, понятно, не мог не учитывать. А руководитель этой «ревизии» сенатор К. К. Пален в своем «всеподданнейшем» отчете писал о том, что народные судьи кочевников – «*би и есть ставленники “джакишиляров” и делают всё по их указке <...> Таким образом, назначение народного суда отправлять правосудие по обычаям выродилось в лицепрятное служение со стороны судей хищническим инстинктам партийных главарей и угнетение народных масс*»² (курсив наш. – А. С.).

Мы полагаем, что в данном случае видный царский бюрократ оценивал ситуацию почти что с марксистских позиций. Во всяком случае, его вывод во многом перекликается с идентичными умозаключениями советских кыргызстанских историков по данному поводу³. Но и сам К. К. Пален, и его сотрудники, готовясь к «ревизии», не могли не учитывать мнения известных российских специалистов о смычке волостной и аульной администрации с народными судами в среде номадов Туркестана. Например, известный российский прокурор и публицист Б. Н. Дельви́г отмечал, что русские власти знают о народных судах кочевников со слов богатых и должностных «киргизов» и потому они не могут действовать в интересах народной справедливости. По его

¹ Материалы по истории полит. строя Казахстана... – С. 414–415.

² Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края... – С. 42.

³ См., напр.: История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. – Т. 2. – Фрунзе, 1986. – С. 101–104.

мнению, такие народные суды, находящиеся в руках должностных и богатых «киргизов», подрывают престиж русской власти в глазах простого народа, который считает, что она действует заодно вместе с ними. При этом он откровенно писал о том, что «если киргизский суд и существует, то лишь потому, что *русские власти стакнулись с богатыми киргизами ради выгоды*»¹ (курсив наш. – А. С.). Дельвиг считал, что народный суд «облечен государством непомерной властью», и указывал, что он как прокурор убедился в том, что «никакого уголовного кодекса для народного суда не существует, поэтому народные судьи действуют по произволу – за малое приговаривают к большому и наоборот»². И такие мнения были не редкими в среде российских юристов и публицистов, интересовавшихся проблемами «народного» судопроизводства в «Степи» и Туркестанском крае.

Было бы ошибочным полагать, что смывка местного самоуправления и суда была чисто туркестанским феноменом. Отнюдь. Ее фактически можно считать явлением повсеместным в Российской империи, прежде всего в русских губерниях и областях. Так, российский исследователь Т. А. Тарабанова отмечает, что «вместе с волостным сходом и волостным старшиной, с волостным правлением, *крестьянские сословные суды образовали крестьянское самоуправление*, пришедшее на смену вотчинному праву помещика»³ (курсив наш. – А. С.).

Известный исследователь царской бюрократии Н. П. Ерошкин писал о том, что «для управления крестьянами имелось повсеместно низовое звено – крестьянские волостные и сельские органы: волостной сход, волостное правление, *волостной суд*, сельский сход»⁴ (курсив наш. – А. С.). Он указывал, что на эти «бесплатные» органы крестьянского самоуправления царизм возложил функции сбора налогов, выплаты выкупных

¹ Дельвиг Б. Н. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края // Журнал Министерства юстиции. – 1910. – № 5. – С. 139.

² Там же. – С. 131.

³ Тарабанова Т. А. Состав волостных судов // Вестник МГУ. Сер. 8: История. – 1993. – № 2. – С. 45.

⁴ Ерошкин Н. П. Самодержавие накануне краха. – М., 1975. – С. 58.

платежей, исполнение государственных и земских повинностей, комплектование армии, разрешение земельных споров и т. п. По его мнению, в органах сельского самоуправления в России господствовали представители богатой крестьянской «верхушки», так называемых «мироедов», в чем вряд ли можно усомниться. Ерошкин писал: «Ближайший надзор за крестьянскими органами “самоуправления” осуществлял всеильный земский участковый начальник – административное и судебное должностное лицо, назначаемое Министерством внутренних дел из местных дворян»¹. Волостные суды всецело защищали авторитет руководителей крестьянского «самоуправления».

Российский исследователь В. Б. Безгин отмечает, что «строго каралось в русском селе оскорбление должностных лиц. Жесткими приговорами волостные суды закрепляли в крестьянском сознании уважение к должностным лицам сельского самоуправления»². Наказывали розгами, штрафами, арестом и др.

Известный российский историк отечественного государства и права И. А. Исаев указывает, что «в волостных судах еще более ярко проявился сословный характер судопроизводства: кандидатов в волостной суд отбирал земский начальник (с 1889 года). Волостные суды должны были подчиняться правилам, установленным для волостных старшин (то есть администрации), земские начальники могли ревизовать и наказывать волостных судей»³.

Совершенно очевидно, что в этом отношении положение народных судей в Туркестане, на наш взгляд, было даже более предпочтительным. Сращивание народных судов (так называемых «зарго») с улусным самоуправлением в интересах имущих сословий имело место и в Калмыцкой степи⁴. Не избежали его

¹ Ерошкин И. П. Самодержавие накануне краха... – С. 58.

² Безгин В. Б. Оскорбление словом или действием по обычному праву (вторая половина XIX – начало XX в.) // История государства и права: Научно-правовое изд. – 2009. – № 12. – С. 23.

³ Исаев И. А. История государства и права России. – М., 2002. – С. 135.

⁴ См. об этом, напр.: Дорджиева Е. В. Проблема обеспеченности бюрократическим персоналом нерусских окраин Российской империи (на примере Калмыцкой степи в XIX – начале XX вв.) // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: Мат-лы XII Всерос.

и территории дореволюционной Башкирии¹. То же можно сказать и о других регионах царской империи. Таким образом, смычка «местной» администрации и суда была присуща всем губерниям, областям и краям дореволюционной России, в связи с чем это явление можно считать объективным и закономерным, тем более что оно имело место и в странах Европы, Америки, Азии и др., особенно в колониальных владениях держав.

Безусловно, всё вышеприведенное свидетельствует о том, что народный суд кочевого населения царистского Туркестана являлся важным звеном в системе местного самоуправления. Однако степень его зависимости от царской власти в регионе была скорее формальной, нежели значительной и определяющей. В то же время народный суд номадов Туркестана находился в цепких руках традиционной родоплеменной кочевой аристократии в лице избранных (из ее среды или делегированных ею) народом должностных лиц «туземной администрации», располагавших такими мощными рычагами влияния, как перераспределение земель, угодий, пастбищ, водопоев и т. п. Это подтверждает превалирование экономической парадигмы над всеми остальными.

Сами народные судьи могли быть избраны только при поддержке тех или иных партий «туземной» элиты, в связи с чем, находясь на своих должностях, они должны были «отрабатывать» вложенные в их выборы материальные и «моральные» средства. Простой народ очень хорошо понимал значение «смычки» волостной и аульной администрации с народными судами биев, направленной против его коренных интересов. Малоизвестно, но факт, что во время восстания 1916 году в царистском Туркестане «киргизы, а равно и иные этносы <...> перебили немало своих собственных “сородичей” из числа лиц “туземной администрации” и продажных судей – биев и казиев»². Поэтому вряд

науч.-теорет. конф. Москва, РУДН, 29–30 мая 2008 г. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – С. 146–155.

¹ См., напр.: *Глушаченко С. Б., Гибадатов У. И.* Волостные суды в Башкирии // История государства и права: Научно-правовое изд. – 2009. – № 8. – С. 14–17.

² *Литвинов П. П.* Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам). – Елец: Изд-во ЕГУ, 2007. – С. 406.

ли правомерно утверждать, что это восстание было только антирусским или националистическим. Оно было антицаристским и антивластным, а это уже фактически неоспоримо. И смычка органов «туземного» самоуправления и суда сыграла здесь далеко немаловажную роль.

Таким образом, после присоединения Средней Азии к Российской империи, царские власти учредили народные суды, но лишь законодательно, поскольку как институт общественно-исторического развития они возникли задолго до появления России в регионе, и несмотря на некоторые «классовые» и прочие издержки, функционировали весьма успешно и эффективно. Это обстоятельство придало «объективный» характер судебной политики царизма в Туркестане. Народные суды кочевого населения царистского Туркестана являлись важным звеном в системе местного (так называемого «туземного») самоуправления. Однако степень его зависимости от царской власти в регионе была скорее формальной, нежели значительной и определяющей. Региональная администрация фактически не вмешивалась в судопроизводство кочевого населения по обычному праву. Следует признать, что царская власть предоставляла народным судам достаточно широкий простор для их непосредственной профессиональной деятельности в кочевом социуме, сохранив, в частности, доминирование в них представителей традиционной кочевой родоплеменной аристократии. Вместе с тем, следует отметить, что царское законодательство регулировало все стороны деятельности народных судов кочевого населения той части Туркестана, где проживали кыргызы и казахи. Оно не затрагивало само их «материальное» обычное право, но устанавливало процессуальные нормы его применения, инстанции кочевых судов, пределы компетенции каждой из них, формы взаимодействия с органами царской власти и т.п. В тоже время, народные суды кочевников на российских территориях в Средней Азии имели, вместе с тем, достаточно обширную юрисдикцию, опирающуюся на жизненно важные общественные отношения, регулируемых обычным правом и « процессом» кочевого населения региона.

Таткало Н. С.

**ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ЭЛЕКТОРАТА
КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ
ДЕМОКРАТИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ**

*Демократия не может стать выше
уровня того человеческого материала,
из которого составлены ее избиратели.*

Д. Б. Шоу

XX век явился важным хронологическим рубежом в истории человечества. Он прошёл под знаком деколонизации и третьей волны демократизации. Установление демократии на институциональном уровне превратилось для государств в условие их существования в качестве полноправных членов современного мирового сообщества. Во многом данная ситуация сложилась ввиду сформировавшегося у демократии западного образца имиджа стабильной системы. Которая устанавливает подотчётность власти, препятствует злоупотреблению властными полномочиями, а также способствует достижению равенства и благополучия для каждого человека¹. При этом представляется, что данный тезис получил широкое распространение в силу того, что в качестве образцов для подражания, в терминологии М. Вебера «идеальных типов», как правило, выступают развитые страны Запада.

В качестве критериев, по которым, устанавливают, что западные демократии являются стабильными, выделяют:

- высокий уровень экономического развития;
- низкий уровень социального неравенства;
- высокая степень социально-психологического благополучия (удовлетворенности жизнью).

¹ *Рар А.* Запад искренне верит, что только его форма демократии идеальна (11 апреля 2012) // URL: <http://www.oboz.by/articles/detail.php?article=5096>

Однако если провести анализ международных рейтингов стран мира по вышеперечисленным критериям и сравнить показатели демократических и недемократических государств, согласно классификации Freedom House, то распространённую и культивируемую в мировом общественном мнении идею о гарантированной стабильности и неизбежном процветании именно демократических режимов можно поставить под сомнение. Данный сравнительный анализ можно представить в форме нижеприведённой таблицы, выбор стран для которой был детерминирован двумя критериями:

- местом в рейтинге стран мира по размеру ВВП;
- участием в евразийских интеграционных процессах, рассматриваемых в западных академических кругах в качестве ренессанса автократических режимов на постсоветском пространстве.

Таблица 1

**Сравнительный анализ
международных рейтингов стран мира
по критериям стабильности политического режима**

№	Страна	Место страны в рейтинге ВВП (2013) ¹	Классификация стран Freedom House (2014–2015) ²	Индекс Джинни ³	Happy Planet Index (2012) ⁴	Failed States Index (2014) ⁵
1	2	3	4	5	6	7
1	США	1	демократия	45,0	37,3	35,4 – очень стабильная
2	Великобритания	6	демократия	38,0	47,9	34,3 – очень стабильная
3	Япония	3	демократия	37,6	47,5	36,3 – очень стабильная

Либерально-демократическая рациональность электората...

1	2	3	4	5	6	7
4	Германия	4	демократия	27,0	47,2	30,6 – очень стабильная
5	Франция	5	демократия	30,6	46,5	34,8 – очень стабильная
6	Китай	2	недемократия	37,0	44,7	79,0 – высокая степень опасности
7	Россия	8	недемократия	–	34,5	76,5– высокая степень опасности
8	Белоруссия	68	недемократия	26,5	37,4	75,0– высокая степень опасности
9	Казахстан	49	недемократия	28,6	34,7	68,5 – опасность
10	Кыргызстан	145	недемократия	33,4	49,1	83,9 – очень высокая степень опасности

Из таблицы видно, что, несмотря на то, что КНР, Казахстан, Белоруссия, согласно оценкам Freedom House, являются недемократическими государствами, индекс Джини, указывающий на степень социальной поляризации, в них ниже, чем в демократических США, Великобритании и Японии. Примечателен тот факт, что в Кыргызстане, занимающим последнее место среди перечисленных стран по уровню ВВП, показатель уровня

¹ Рейтинг стран и территорий по размеру валового внутреннего продукта // URL: <http://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gdp/rating-countries-gdp-info>

² List of Electoral Democracies, FIW. 1989–2015 // URL: <https://www.freedomhouse.org/report-types/freedom-world#.VOWeiSzdVz1>

³ GINI index (World Bank estimate) // URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>

⁴ The Happy Planet Index: 2012 Report. A Global Index of Sustainable well-being // URL: <http://www.happyplanetindex.org/data/>

⁵ Fragile States Index 2014 // URL: <http://ffp.statesindex.org/>

«счастья» самый высокий. Данный факт приобретает особое значение при учёте того, что в демократических США этот показатель ниже на 11,8 пункта. Вместе с тем в десятку стран с самым высоким уровнем ВВП входят две недемократические страны – Россия и Китай. При этом, несмотря на то, что в КНР показатель Джини ниже, а уровень «счастья» выше, чем в США, в рейтинге стран мира по уровню несостоятельности она входит в число государств с высоким уровнем опасности нестабильности.

В этом аспекте представляется, что используемые при составлении рейтингов стран мира по уровню несостоятельности и свободы критерии не отражают действительного социально-экономического и морально-психологического состояния социума в странах мира. В противном случае аксиома о том, что установление демократического режима есть необходимое условие высокого уровня жизни и удовлетворенности общества в своих морально-психологических потребностях, является ложной.

Последний тезис был доказан в ряде исследований. В частности, А. Пшеворски и Ф. Лимонджи в опубликованной в 1993 году статье «Политические режимы и экономический рост», проанализировали 16 научных исследований, посвящённых проблемам отношений между типом режима и экономическим развитием. В итоге, они пришли к выводу, о том, что между ними отсутствует строгая закономерная корреляция¹. К этому же выводу в 2001 году пришли и Х. Дукулиагос и М. Улубасоглу («Демократия и экономический рост: мета-анализ»). При этом они отмечают региональные отличия в эффекте демократических ценностей: если в странах Латинской Америки прослеживается определённое косвенное влияние демократического режима на экономический рост, обусловленное, как правило, экономической свободой и открытостью, то в странах Азии это влияние фактически равно нулю².

В свою очередь, взаимосвязь демократии и сокращения социальной поляризации была поставлена под сомнение группой экспертов Всемирного Банка. Согласно результатам их исследования, страны с коммунистической и мусульманской

¹ Лэйн Д. Мираж демократии // Полис. – 2014. №6. – С. 131.

² Там же. – С. 131.

идеологиями придают равенству большее значение, чем государству с неолиберальной идеологией, в основе которой лежат принципы рыночной экономики, предполагающей дистанцирование государства от регулирования социально-экономических процессов и перераспределением социальных благ¹. Для последних характерно очень сильное неравенство в доходах. Таким образом, социальное неравенство обуславливается не столько экономической составляющей, сколько доминирующими в обществе ценностями, через призму которых люди воспринимают свое социальное положение.

В морально-психологическом аспекте тезис о наличии причинно-следственных связей между демократией и уровнем удовлетворенности граждан своей жизнью опровергается рядом экспертов. Так, британский эксперт Д. Лэйн в качестве доказательства, приводит пример России в которой после перехода России от так называемой «демократии» при Б. Ельцине к «не демократии» при В. Путине, по версии Фридом Хаус, показатели счастья, по данным World Values Survey, значительно выросли². Следовательно, морально-психологический настрой социума, формирующийся, как под влиянием экономической ситуации, так и закрепленных в политической культуре норм, составляет основу определенного типа рациональности населения и выступает во многом в качестве детерминанты эффективности или неэффективности демократического режима в отдельно взятой стране.

Приняв данное утверждение за основу, докажем на примере Кыргызстана, что именно либерально-демократическая рациональность электората, основанная на таких ценностях, как: индивидуализм (свобода личности), сокращение государственных расходов на социальные цели, а также государственного субсидирования экономики («минимальное» государство), социальное неравенство (рыночные отношения), должна выступать в качестве ключевого фактора стабильности демократии. В качестве теоретического базиса воспользуемся теорией американского экономиста Б. Каплана о том, что в условиях демократии

¹ Лэйн Д. *Мираж демократии...* – С. 135.

² Там же. – С. 138.

иррациональность избирателей выступает причиной отрицательных результатов работы выбранной ими власти.

Первоначально представляется целесообразным обосновать тезис о том, что смена политических режимов посредством упразднения или ввода новых политических институтов не является эффективной. В этом отношении показателен анализ работы парламента Кыргызстана в контексте результативности проводимых в его рамках структурных реформ. В частности, до 2005 года Жогорку Кенеш Кыргызской Республики был двухпалатным. Последующий переход к однопалатному парламенту в целях оптимизации системы государственного управления, не изменил принципы сложившихся властных отношений. Индикаторами справедливости данного утверждения выступают, во-первых, параллельное функционирование представительного органа традиционного общества – курултая, во-вторых, неконституционная смена власти – в форме «тюльпановой революции».

При этом и смена власти не привела к коренным трансформациям в характере властных отношений, что было обусловлено двумя факторами. Во-первых, в фарватере «революционных волнений» стояли финансируемые западными донорами молодёжные организации и партии, во-вторых, природа политической оппозиции в Кыргызстане заключается в традиционной социальной организации кыргызского общества – в его делении на племена, находящиеся в конфронтации друг с другом. В итоге, источником мобилизации населения для свержения режима А. Акаева, а впоследствии и К. Бакиева явились фальсифицированные результаты парламентских выборов, а не идеологические противоречия между властью и оппозицией.

Между тем, идеологическая «беспринципность» политических партий проявляется и в работе парламента. Так, отличительной чертой работы Жогорку Кенеша пятого созыва явились частые переформатирования коалиций большинства, а также внутривнутрипартийные противоречия, результировавшие в оформление парламентских групп и новых партий. В итоге, согласно классификации партийных систем Сартори, партийная система Кыргызстана трансформировалась из системы умеренного плюрализма в систему крайнего плюрализма, что может быть

свидетельством сиюминутного, утилитарного характера партий – необходимых инструментов сохранения имиджа демократической политической системы. У лидеров партий отсутствует понимание важности идеологической константы в политической борьбе. В интервью одному из печатных изданий один из лидеров новой партии «Республика Ата-Журт» заявил о том, что эта партия выступает определённой политической силой, идеологию которой необходимо определить избирателям¹.

Учитывая тот факт, что партия «Ата Журт» в 2010 году набрала наибольшее количество голосов на парламентских выборах, представляется, что электорат в своём выборе руководствуется иными критериями – родоплеменными связями. Тезис доказывается многочисленными нерегламентированными митингами в защиту тех или иных народных избранников или государственных чиновников, организуемыми, как правило, их родственниками и односельчанами. В этом аспекте показательны митинги в 2013 году в защиту М. Мырзакматова после его отставки с поста мэра Оша, и экс-спикера ЖК А. Кельдибекова, обвинённого в преступлениях по статьям «коррупция» и «превышение должностных полномочий».

Следовательно, для Кыргызстана характерна патриархальная политическая культура в соответствии с классификацией политических культур, предложенной Г. Алмондом и С. Вербой. Ее отличительной чертой является ориентация граждан на местные ценности – общину, род, клан, племя. Знания о политической системе у членов общества полностью отсутствуют, политические ориентации не отделены от родовых и племенных². В качестве доказательств справедливости данного тезиса представляется целесообразным рассмотреть результаты исследования, которое проводил в 1997–2003 годах на территории Кыргызстана американский эксперт Морган Лиу. Он провёл опрос

¹ Яловкина А. У партии «Республика Ата-Журт» нет идеологии (16 декабря 2014) // URL: http://www.vb.kg/doc/297052_y_partii_respyblika_ata_jyrt_net_ideologii.html

² Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии (23 октября 2011) // URL: http://civisbook.ru/files/File/1992-4-Almond_Verba.pdf

населения юга страны относительно идеального образа государства в постсоветский период. Главный вывод, сделанный им, состоит в том, что для опрошенных им респондентов государство должно состоять в морально-этических связях с его населением¹. Он определяет такой тип государства в качестве патерналистского. М. Лиу, систематизировав имеющиеся у него данные опросов, выделил три ключевые характеристики идеального патерналистского государства. Во-первых, его эффективность рассматривается через призму деятельности его лидера. Выбор правильного политического курса обусловлен мудростью и великодушием лидера, а неэффективное государственное управление является результатом деятельности неразумного и эгоистичного главы государства.

Во-вторых, государство должно быть активным участником социальной и экономической жизни страны. Данное утверждение предполагает, прежде всего, предоставление населению широкого социального пакета (пенсии, бесплатное или дешевое медицинское обслуживание, дошкольное образование и т. д.). Активная роль государства в экономике предполагает субсидирование и обеспечение необходимой ресурсной базой промышленных предприятий, поддержание адекватного уровня цен на сельскохозяйственные продукты, предотвращение криминализации частных предприятий и торговли. Согласно М. Лиу, похожие требования к государству предъявляют практически во всех постсоветских странах, однако отличительной чертой концепции идеального государства в массовом сознании кыргызов является этический императив в функционировании государства, которое несёт моральную ответственность за проявление заботы в отношении своего народа².

В-третьих, государство обязано подготовить население к жизни вне СССР. Политические и экономические трансфор-

¹ *Liu M. Post-Soviet Paternalism and Personhood: Why Culture Matters to Democratization in Central Asia // Prospects for Democracy in Central Asia: Papers Read at a Conference in Istanbul, 1-3 June 2003, and Additional Chapters / Edited by Birgit N. Schyter. Published by Swedish Research Institute in Istanbul.*

² Там же.

мации заключаются не только в наделении населения правами и свободами или разрешении предпринимательской деятельности, но и в изменении ментальности. Эта внутренняя, моральная трансформация может быть обеспечена только патерналистским государством во главе с добродетельным лидером.

Таким образом, концепция патерналистского государства предполагает, что эффективность власти и выражаемое ей доверие со стороны населения находятся в прямой зависимости от морально-этического облика лидера, а не от структуры и функциональных характеристик политической системы, которые не могут стать инструментами борьбы с коррупцией или экономической стагнацией. В этом контексте становится очевидным, что такое отношение населения к власти не соответствует принципам либерально-демократической рациональности.

Вместе с тем следует отметить, что поведение электората развитых демократических государств может быть иррациональным. Б. Каплан в своей книге «Миф о рациональном избирателе: почему демократии выбирают неправильный политический курс» утверждает, что избиратели в условиях демократии в большинстве случаев голосуют против тех мер, которые объективно выгодны для большинства. Эта невежественность избирателей имеет две взаимосвязанные причины: недостаток информации и их эгоистичность. С позиции рационального избирателя «совершенно нерационально быть хорошо осведомленным в вопросах политики, поскольку отдача от этой информации не оправдывает затраты на ее получение, выраженные как во времени, так и других ресурсах»¹, так как последствия голосования для него лично будут либо минимальными, либо совсем его не затронут. В результате, тот политический курс, который проводят политические силы, легально пришедшие к власти через все демократические процедуры, приводит к отрицательным результатам для большинства.

Однако следует отметить, что в странах с развитой либеральной демократией принципы рыночной экономики закладывают основы иного типа иррационального поведения, чем

¹ Каплан Б. Миф о рациональном избирателе (2012) // URL: <http://matimatik.anarhist.org/pdf-books/irisen-2012.pdf>

в странах, переживающих переходный период. Данный тип иррациональности электората, хотя и благоприятствует популистским заявлениям политиков, тем не менее, соответствует тому типу легитимности, который существует при демократическом режиме и не приводит к его дисфункциональности.

Различия в ценностных ориентациях электората в условиях демократии и традиционного общества можно представить в форме таблицы, в основе которой лежит ряд заповедей избирательной кампании, выведенных французским специалистом по избирательным технологиям и политическим коммуникациям Ж. Сегела, которого называют «творцом президентов»¹.

Таблица 2

**Сравнительный анализ поведения электората
в условиях демократии и преобладания ценностей
традиционного общества**

Заповедь Ж. Сегела	Развитая либеральная демократия	Традиционное общество
Голосуют за человека, а не за партию	Голосуют за человека, который предлагает идеи в фарватере улучшения качества жизни	Голосуют за человека, который сможет обеспечить привилегии своему роду, клану
Голосуют за ценности подлинные, а не мнимые	Будучи в своей большей массе приверженцами либеральных ценностей граждане приемлют социальное неравенство, обусловленное способностями каждого добиться высокого положения	Социальное неравенство воспринимается в качестве недостаточных усилий государства в его нивелировании и нарушении руководством страны морально-этического кодекса поведения

¹ Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. – М., 1999. – С. 192.

Голосуют за идею, а не за идеологию	Как правило, идеи лежат в плоскости либо усиления, либо минимизации роли государства в социально-экономической жизни населения при наличии у большинства приверженности либеральным ценностям	Как правило, либо звучат предложения возрождения прежних властных институтов, либо популистские лозунги об обеспечении достойной жизни каждому при общей нацеленности построения рыночной экономики
-------------------------------------	---	---

Следовательно, в Кыргызстане отсутствует социальный заказ на либерально-демократические ценности. Население ориентировано на ценности социальной справедливости, понимаемой в контексте не социальной иерархизации, базирующейся на умении человека распорядиться своими способностями, а социального равенства и перераспределения доходов, в основе которого лежит морально-этический кодекс поведения руководства страны, избранного по родоплеменному принципу. В результате, выборы из института конституционной смены власти превращаются в общественно-родовое событие. Отсюда и дисфункциональность демократической политической системы в целом, так как в ее основе априори лежит идеология либерализма и соответствующая рациональность избирателей. В этом аспекте декларирование странами Запада демократии в качестве единственно справедливого и эффективного политического режима и фактическое его навязывание через выдвигаемые условия предоставления Кыргызстану финансово-экономической помощи, выступает в качестве дополнительного дестабилизирующего фактора в функционировании политической системы республики.

Резюмируя, следует отметить, что попытки установления демократии в стране должны основываться, прежде всего, на трансформации парадигмы социально-политической

организации, а не на внедрении институциональных и нормативно-правовых основ демократического режима, которые не смогут обеспечить восприятие населением принципов кодекса поведения человека либеральных взглядов. В свою очередь, такие показатели стабильности государства, как высокий уровень экономического развития, низкий уровень социального неравенства, высокая степень социально-психологического благополучия (удовлетворенности жизнью) не следует рассматривать в качестве неизбежных последствий установления демократии. Поскольку внедрение демократии проявляется не только в установлении новых институциональных и нормативно-правовых основ функционирования государства. Этот процесс должен предполагать изменение политических предпочтений граждан относительно властных структур.

Из этого следует, что стабильность/нестабильность государства зависит от того, насколько «политическая надстройка» соответствует распространённым в обществе ценностям. Соответственно, при отсутствии в Кыргызстане условий для внедрения либерально-демократических ценностей, шаблонов реформ государственного управления и кодекса поведения населения стабильное функционирование демократических институтов в республике представляется крайне затруднительным.

**О РОЛИ ПРАВА В СТАНОВЛЕНИИ
РАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ И ЦЕЛЯХ
ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ**

Данная статья посвящена роли права в становлении и развитии рациональной государственности в европейских странах и задачах, вытекающих в связи с этим для Кыргызстана.

Необходимость правового анализа связана со спецификой развития демократии в постсоветских государствах, в том числе и странах Центральной Азии. Последние, получив независимость, столкнулись со множеством острейших проблем, от решения которых во многом зависело их будущее. При этом все центрально-азиатские государства связали его с демократическим выбором в рамках правового государства, что было закреплено в Конституциях этих стран. Так, в статье 1 Основного закона Кыргызской Республики декларируется, что Кыргызская Республика (Кыргызстан) является суверенным, демократическим, правовым, светским, унитарным, социальным государством¹. В статье 1 Конституции Республики Казахстан сказано, что «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы»². В статье 1 Конституции Республики Таджикистан говорится: «Республика Таджикистан – суверенное, демократическое, правовое, светское и унитарное государство»³. Узбекистан декларирует себя в Основном законе страны «суверенной

¹ Конституция Кыргызской Республики. – Бишкек, 2012. – С. 3.

² Конституция Республики Казахстан // URL: [http://www. Constcouncil.kz/rus/norpb/constrk/](http://www.Constcouncil.kz/rus/norpb/constrk/)

³ Конституция Республики Таджикистан // URL: <http://www.medialav.asia/document/23-24>

демократической республикой»¹. В Конституции Туркменистана записано: «Туркменистан – демократическое, правовое и светское государство, в котором государственное правление осуществляется в форме президентской республики»². Таким образом, уже с первых дней независимости все они провозгласили себя в качестве состоявшихся демократических, правовых государств, что далеко не соответствовало действительности. По сути дела, политическая элита этих стран выдавала желаемое за действительное, более того, политологи многих стран характеризовали центрально-азиатские политические режимы в лучшем случае, в качестве авторитарных, а в худшем – в качестве султанистских либо деспотических. Попытка проведения демократических преобразований в условиях отсутствия демократии, получила название инверсии, и как показала практика, привела к созданию во многих постсоветских странах квазидемократических политических режимов со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

В целом, опыт первых десятилетий трансформации показал, что переход к демократии в странах Центральной Азии в кратчайшие сроки, нереален. Для успешного демократического развития необходимы определённые условия, создание среды готовности, которая потребует значительных усилий и значительного времени. Об этом, в частности, свидетельствует опыт перехода к демократии стран Западной Европы. Среди условий, сыгравших важнейшую роль в развитии в них демократии, западные исследователи называют право, а также долгую школу реализации стратегических программ и воспитания граждан своих стран.

Все успешные демократические государства европейского типа, стоят на прочном правовом фундаменте, и в этом кроется одна из коренных причин их нынешнего процветания. Стратегическое поддержание рациональности правовой системы задаёт правильное направление развитию административного аппарата

¹ Конституция Республики Узбекистан // URL: http://www.Old.lex.uz/guest/irs_html.winlav?pid=35869

² Конституция Республики Туркменистан // URL: <http://www.krugosvet.ru/enc/gosudarstvo-i-politika/Turkmenistan-konstitutsiya>

страны. По М. Веберу европейское общество выработало господство, основанное на рациональности западного типа систематического права¹. Стратегическое поддержание рациональности правовой системы задаёт правильное направление развитию рационально-бюрократического аппарата страны. Трудно переоценить роль фундамента систематического права, общего всем государствам западного типа. Альтернативой такому государству являются, например, государства в традиционных обществах, к примеру, опирающихся на законы шариата. Законы шариата предоставляют широкий простор произвольному влиянию на них политиков, толкованию судей². Не случайно все современные и успешные государства в ходе своей истории заимствовали принципы управления, основанные на системном и непротиворечивом фундаменте права западного типа, отличающем его от других традиционных правовых систем. Эти свойства обеспечивали его прозрачность и всегда играли важную роль в противостоянии государства и общества злоупотреблениям и коррупции³. Основные черты западного права, знакомые сегодня по законодательствам многих стран, были открыты в Западной Европе, сведены в единую систему и заимствованы впоследствии другими странами. Если попытаться уточнить формальную рациональность как отличие именно западного типа культуры, то сам Вебер видит ее существенным элементом формальность западного типа права⁴. Право сыграло решающую роль в становлении и развитии цивилизованных западных стран. Закон стал основой успешного политического и экономического развития многих европейских стран уже в XVIII–XIX веках. В Европе право стало инструментом преобразования общества, а управление им осуществлялось на основе закона. Европейский опыт свидетельствует о том, что создание правового фундамента является

¹ *Weber Max.* Die Wirtschaft Ethik der Weltreligionen Tuebingen. – 1988. – P. 268.

² *Bassam Tibiim Schatten Allans.* Der Islam und die Menschenrechte. – 1982. – P. 285.

³ *Scheuch Erwin K.* Die Mechanismen der Korruptin Netzwerke in politik. Amtern und Wirtschaft. – Munchen Knauer Tachenbuche, 2003. – P. 44.

⁴ *Вебер М.* Избранное Образ общества. – М., 1994. – С. 219.

неизбежной стадией, которое должно пройти любое государство на пути к правовому, поскольку сам процесс его создания не может быть успешным вне сферы права. Формирование рационально-бюрократического аппарата управления в европейских странах успешно развивалось во многом, благодаря тому, что оно действовало в сформировавшемся правовом поле, в условиях завершения создания самих фундаментальных правовых основ, что ставило функционирование административного аппарата в жёстких правовых рамках. По сути, формирование правового государства можно мыслить лишь через посредство права.

Становление права в странах Европы как основы формирования рациональной государственности, осуществлялось путём реализации нескольких общеевропейских стратегических программ. Подтверждая принцип стратегических решений в истории, европейское право не появилось на свет произвольно. Гарвардский юрист Харольд Берман в анализе, предпринятом в своей монографии, определяет создание уникального для Западной Европы систематического права, как разделительной линии между традиционной по Веберу культурой и рациональной западной¹. Он утверждает, что это открытие произошло в средние века в католической Европе и что оно резко разделило Европу на западную и восточную, причём последняя сохраняла свой прежний правовой характер, вплоть до заимствования права уже с Запада в XIX веке. В Европе же право превратилось в элемент преобразования общества².

Западная Европа прошла эволюцию от народного понимания права к принятию учёного права, начиная с так называемой папской революции. По сути, средневековая католическая церковь явилась первым примером функционирования системы государственного управления на основе систематического права. Берман называет программу построения правовой системы папской революцией, которая явилась первой общеевропейской стратегической программой создания правового фундамента.

¹ *Berman Harold. Law and Revolution the Formation of the Westem Legal tradition. – Harward Univesitu Press Cambridge Massa ehuselts and London England, 1983. – P. 10.*

² Там же. – P. 21.

Она была вызвана к жизни правовым беспределом, господствующим в то время в европейских странах. В Западной Европе в средние века существовала харизма королей, стоявшей выше закона. В европейских странах доминировали аристократические роды, правившие на основе родового баланса сил, не подчинявшихся никаким законам и решавших все вопросы в пользу собственных кланов. Ясно, что такой принцип не исходит из интересов народа и государства, а значит, «рационализирует» общенациональные стремления в клановые. Такая харизма помогает выжить роду, группе, клану, но превращает государство в иррациональное. Сложившаяся ситуация вела к непредсказуемым последствиям в обществе, тормозила развитие экономики. Альтернативами выбора было либо полное погружение в перспективе, в эгоизм клановой политики, либо создание новой системы управления. Инструментом воплощения этого выбора стало новое понимание самой сущности закона, права. В результате «папской революции», утвердилось каноническое право, ставшее провозвестником становления новой правовой традиции в Европе. Независимость от сильных мира сего стала сутью нового права. «Папская революция» десакрализовала монархов, они переставали быть харизматическими неконтролируемыми фигурами, а выполняли свои функции на основе законов. То же самое по аналогии распространялось на всех власть имущих. Именно изобретение новой правовой системы поставило Европу на рельсы прогрессивного развития, выдвинув ее в авангард остального мира¹.

Сама же система законов была создана на юридических факультетах университетов Болоньи и Сорбонны. Харольд Берман так описывает его основные черты:

- 1) равенство всех членов общества независимо от положения перед законом и подчинение ему;
- 2) независимость права от политики;
- 3) единый для европейских стран систематизированный корпус права, непрерывно развивающийся от поколения к поколению;
- 4) выделение правовых институтов в отдельную сферу;

¹ *Berman Harold. Law and Revolution the Formation of the Western Legal tradition... – P. 23*

5) возникновение корпуса занятых в них профессионалов-юристов;

6) подготовка кадров, получающих юридическое образование в университетах;

7) юридические знания тесно связаны с практикой, но не поглощаются ею, сохраняя автономный характер. Существует мета-право, развивающее теорию права;

8) между идеалами и реальностью, трансцендентностью права и имманентностью закона существует напряжение, порою разряжающееся в революции, которые опрокидывают старые законы. Однако правовая традиция выживает и восстанавливается вопреки им¹.

Отметим ещё раз, что указанная правовая культура объединила весь европейский ареал, особенно ту его часть, где доминировала католическая церковь, где типичным было существование университетов с их факультетами права. Традиционное обычное право было тщательно переработано с новых позиций: подходящее принималось и адаптировалось к новой системе, противоречащее ей отбрасывалось. Этот процесс был единым для всей латински образованной Европы. При этом, следует сказать о том, что родовой, клановый баланс из жизни западных стран ушёл не сразу. Его рецидивы сказывались ещё на протяжении многих лет. Однако, право, построенное на основе прав индивидуума а не рода или клана, сыграло решающую роль в его ликвидации. Западное право позволило стабилизировать харизму власти и помогло ей избежать патримониального цикла². На Западе право как цельная рационально построенная конструкция явилась противовесом древней организации общества по родовому, клановому принципу. Без гарантии независимости, предоставляемой сильным государством, на основе господства права, средством выживания оставалась бы большая семья, клан, род, группа, как было испокон веков, а не индивидуум, защищённый правом.

¹ *Berman Harold*. Law and Revolution the Formation of the Western Legal tradition... – P. 9.

² *Breuer Stephan*. Buerokratie und harismaz ur politicsher Soziologie Max Webers Wissenschaftliche Buchgessellschaft. – Darmstadt, 1994. – P. 69.

Право и его место в жизни западноевропейского государства и общества, также как и его религиозная харизма, претерпели существенные изменения в период Реформации, в период которой состоялась реализация второй общеевропейской стратегической программы создания правового фундамента. Как отмечают исследователи, «только в новое время наблюдается духовный поворот, связанный с именами М. Лютера и Ж. Кальвина. С их именами ассоциируют протестантскую трудовую этику, в которой выразилось и закрепилось совершенно новое понимание и отношение к труду, подчеркнув особое значение человеческого труда»¹. Протестантская революция поставила рамки предыдущего под вопрос. Во время Реформации протестанты стали оценивать работу как призвание, и она получила высший смысл благочестивой деятельности. Происходит становление того, что М. Вебер назвал протестантской этикой². Она стала не только личным аспектом индивидуальной морали, но также одним из стимулов деятельности власти, в силу того что в ходе Реформации значительная часть административных функций, исполнявшихся католической церковью, перешла в ведение государства. В результате, ответственность, роль защитника и организатора жизни легла на последнее, а инструментом упорядочения жизни стал закон в его уже привычном систематическом западноевропейском варианте. Систематичность и научность законодательства, самих законов в результате Реформации изменилась. Протестантизм укрепил фундамент права, укрепил относительную автономию индивидуума по отношению к власти. Произошёл переход от концепции закона в духе «можно делать то, что разрешено законом» к «можно делать то, что не запрещено законом». В странах Европы было положено начало формирования государственной патерналистской бюрократии³. В то же время, в правосознании людей было усилено закреплённое католической теологией право на сопротивление властям в случае отступления

¹ *Кравченко А. И.* Социология Макса Вебера. Труд и экономика. – М., 1997. – С. 16.

² *Вебер Макс.* Избранное. Образ общества – М., 1994. – С. 219.

³ *Maier Hans.* Die altere Deutsche Staats und Verwaltungslehre. – Munchen, 1980. – P. 148.

ими от своих обязанностей. По сути дела, оно способствовало разработке Локком идеи государства, основанной на правах человека¹.

Третьим после папской революции и Реформации стратегическим европейским решением явилась программа «хорошо упорядоченного полицейского государства». Слово «полиция», родственное слову «политес», имело в тот период времени иной смысл, оно употреблялось соответственно современному смыслу «цивилизованный». Цивилизованный (polizierte) и ставший вежливым (polit) человек, цивилизованные государства – в такой форме понятие «полиция» вошло затем в язык классической литературы. В таком понимании процесс цивилизации являлся в то же время и процессом становления гражданского общества. Государство полицейскими, административными мерами, с помощью закона и регламентации добивается цели возникновения индивидуумов, достигших экономической и правовой независимости в рамках прав, обеспеченных ему государством.

Мотивом для развёртывания этой программы явилась необходимость преодоления хаоса в жизни общества, возникшего в ходе Реформации и религиозных войн. Пауль Манч в своей книге указывает на то, что такая программа в то время была общеевропейской. По сути дела, хорошо упорядоченное полицейское государство выступало с позиций патернализма. Одновременно с материальными преобразованиями в то время происходит сознательное воспитание населения государством, приучение его к буржуазным добродетелям порядка, бережливости, экономности, дисциплины. Богатство страны – в трудолюбии ее граждан, в их образованности и самодисциплине – таково общепринятое мнение государственной административной элиты².

Воспитание и образование с помощью права в процессе развития хорошо упорядоченного полицейского государства затронуло все стороны жизни общества. Экономика, дороги,

¹ *Kittsteiner Heinz Dieter*. Entstehung des modernen Gewissens. – Frankfurt am Main Insel Verlag, 1991.

² *Munch Paul*. Ordnung, Fleis und Sparsamkeit. Texte und Dokumentezur Ensteung der Burgerlichen Tugenden Munich Deuncshen. – Taschenbuch Verlag, 1984. – P. 36.

больницы, школы, общественная жизнь – всё, где государство усматривало шанс максимизировать производительную энергию человека, подпадало под такое поощряющее к деятельности стимулирование и регулирование. Инструментом преобразований стала система законодательства: европейские государства в процессе постоянных реформ воспитывали граждан и изменяли жизнь общества посредством выпуска и исполнения законов и ордонансов. Программа успешно реализовалась в Англии, на что обратил внимание Гегель, который, в частности, констатировал: «...В Англии даже последний бедняк полагает, что обладает правом»¹. Она достигла существенных результатов в Шотландии, Франции, Пруссии, но не имела успеха в Польше, Испании, Швеции, России, Австрии².

Подведём итоги. Был сделан анализ трёх долгосрочных стратегических программ, которые превратили многие европейские государства уже к концу XVIII века в рационально организованные и управляемые. В них сложился правовой фундамент, в основании которого выделялись следующие черты:

- систематичность права;
- независимость права от власти;
- правовая защищённость граждан;
- законопослушность;
- зависимость власти от закона;
- судебная независимость;
- рациональное упорядочение жизни на основе закона.

Последующее развитие усилило независимость права от политической власти, добавив разделение ветвей власти, демократизировало государство путём привлечения граждан к участию в политическом процессе через выборы.

Следующая фаза развития европейских государств связана с созданием административного аппарата, так называемой легально-рациональной бюрократии, функционирование которой должно было регламентироваться кодифицированным правом

¹ Гегель. Философия права. – М., 1990. – С. 271.

² Wuthnow Robert. Communities of Discourse. Ideology and Sozial structure in the Reformation, the Enlightenment and European Sozialism. – Harward Universitu Press, 1989. – p. 2.

и неукоснительным исполнением законов. Она решалась в рамках четвёртой европейской программы и получила название административной революции, заложившей основы современного управления.

Иной путь правового развития прошла Россия, для которой, по мнению исследователей, были характерны глубоко укоренившиеся традиции неподсудности лиц, находящихся у власти, формирование личности в условиях зависимости от последней. Право, пришедшее на Русь из Византии, носило крайне противоречивый характер, оставалось не систематизированным по западному образцу и не играло роли орудия преобразования общества, как это было на Западе. Более того, многие исследователи в качестве характерной особенности Русской православной церкви, в отличие от западной, отмечали традиционную на протяжении всей ее истории подчинённость самодержавию. По словам Н. Бердяева, церковь в России была в рабьей зависимости от государства¹. В силу этого, в отличие от западноевропейских стран, православная церковь в России не смогла сыграть роль силы, ограничивающей всевластие власть имущих и возвышающей роль права в жизни общества.

В силу особенностей развития России в ней не сложилось культуры права, не произошло соединения правового сознания народа и высокого научного права, что тормозило рационализацию административного аппарата. Пётр Первый заимствовал и вводил идею хорошо упорядоченного государства, однако народ воспринимал заимствованную правовую культуру как чужеродную и считал справедливым представления традиционного неписанного права. Попытки правовых реформ сверху в России предпринимались неоднократно и в XVIII и XIX веках, однако они находили мало последователей. Известный российский юрист Кистяковский констатировал: «...Недостаточно заимствовать идеи, надо быть всецело охваченными ими»². Между тем правящие круги страны, решая вопросы сверху, исключали из участия в их решении значительную часть общества,

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 12.

² Вехи. Из глубины. – М., 1991. – С. 126.

консервируя, таким образом, архаичные традиции развития. Подобная тенденция проходит, по сути дела, через всю историю страны. Один из крупных политиков и государственных деятелей России В. Шульгин в связи с этим отмечал: «...Скажем, англичане, немцы, французы – суть продукт долголетнего самоуправления, привычки ответственности за свою родину, за свои государственные и политические дела. У нас же население совершенно не было к этому приучено, всё делалось в верхах. А потому как требовать от масс гражданственности? Она не является в течение нескольких лет, а воспитывается веками»¹. Пытаясь найти ответ на вопрос о причинах различия в путях развития, небезызвестный Победоносцев писал: «...В Европе в ходу и в обороте такие формы жизни и деятельности, такие понятия и правила, которые у нас ещё кажутся чуждыми и странными. Там в обществе общее образование, общий склад, тогда как у нас по пространствам и по населению и по экономическому развитию и по местным обычаям, можно сказать, что город, то нор, что деревня, то обычай. В то же время жизнь общественная, жизнь общинная не имеют инициативы и не привыкли к ней. Общество живёт в массе первобытными инстинктами интереса и правды и не выработало в себе твёрдых, реальных начал для деятельности, для суждения о предметах и границах права. Самое понятие о законе не сложилось в твёрдом и ясном виде»².

Поэтому высокое и обычное, примитивное, право остались в России двумя мирами для разных групп населения, и даже интеллигенция, самая просвещённая и продвинутая часть российского общества, не могла исправить этого положения. В знаменитом сборнике «Вехи», посвящённом критическому обзору культуры интеллигенции после революции 1905–1907 годов, изданном в 1909 году, Кистяковский в статье «В защиту права (Интеллигенция и правосознание)» пишет: «...Но здесь мы наталкиваемся на поразительный факт: в нашей “богатой” литературе в прошлом нет ни одного трактата, ни одного этюда о праве, которые имели бы общественное значение. В ней же не было

¹ Шульгин В. В. Дни. 1920. – М., 1989. – С. 56.

² Правилова Е. А. Законность и право личности: административная юстиция в России. – М., 2000. – С. 30.

ничего такого, что способно было бы пробудить правосознание нашей интеллигенции. Можно сказать, что в идейном развитии нашей интеллигенции не участвовала ни одна правовая идея. Как не похоже в этом отношении наше развитие на развитие других цивилизованных народов!»¹. Он перечисляет западных философов от Гоббса и Локка, Руссо и «Духа законов» Монтескье до Канта, Фихте и Гегеля, построения которых были философско-правовыми, и заключает: «...Где та книга, которая была бы способна пробудить правосознание нашей интеллигенции? Где наш “Дух законов”, наш “Общественный договор”?». Далее Кистяковский цитирует высказывание А. Герцена о правосознании народа: «Правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую. Он подчиняется им как силе. Полное неравенство перед судом убило в нём всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно <...> и совершенно точно так же поступает правительство»².

Авторы выдержек из произведений, приведённых выше, довольно точно и содержательно отразили принципиальную разницу между Россией и Западом. Россия никогда не ставила народ в то положение, когда он обладал правовой защищённостью и узнал бы, что право ограничивает насилие над личностью и защищает «маленького» человека. Об этом пишет Кистяковский: «...Но именно тут мы констатируем величайший пробел, так как наше общественное сознание никогда не выдвигало идеала правовой личности. Обе стороны этого идеала – личности, дисциплинированной правом и устойчивым правопорядком, и личности, наделённой всеми правами и свободно пользующейся ими, чужды сознанию нашей интеллигенции»³.

Российская элита не видела в праве инструмента преобразований. Активной и плодотворной связи между центром и лидерами на местах, которые бы эффективно реализовали бы реформы

¹ Вехи. Из глубины – М., 1991. – С. 123.

² Там же. – С. 126–127.

³ Там же. – С. 128.

на местах, в императорской России снизу, не произошло. Начиная с Петра Первого и кончая всеми последующими императорами, центральная власть поглотила всё, а бюрократия не имела относительной независимости и не обладала правом дискутировать с последней¹. К тому же в России не удалось создать положительного образа российской бюрократии в глазах народа. К примеру, выступая в Государственной Думе, Е. Н. Трубецкой говорил: «...Нигде служебный класс так не дискредитирован, как у нас в России. Слово “чиновник” непереводимо ни на один иностранный язык, потому что непереводимо то обидное значение, которое в нём заключается, то значение как бы бранной клички»².

Ситуация в правовом отношении не изменилась в лучшую сторону и в советский период. В первые годы после революции 1917 года в стране над правом доминировала революционная целесообразность, а впоследствии так называемое телефонное право. В советской системе право было полностью подчинено политическому режиму. Административно-командная система возникла не на пустом месте. Она имела глубокие корни в российском прошлом. Это отмечал известный русский философ Н. Бердяев, писавший о том, что «коммунизм создал деспотическое бюрократическое государство, призванное господствовать над всей жизнью народа, в согласии с традициями Иоанна Грозного и царской власти»³.

Таким образом, можно сделать вывод о решающей роли права в преобразовании общества, подтверждённой опытом исторического развития многих стран мира, и в первую очередь европейских. Конечно, при этом надо помнить, что становление правового фундамента в них произошло не сразу, а потребовало огромных усилий и большого промежутка времени. С другой стороны, нельзя, наверное, сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что иной тип развития, сложившийся в России в условиях

¹ *Raeff Mark*. The Well – Ordered Police State. Sozial and Institucional Change throught Law in the Germanies and Russia 1600–1800. – New Hawen CN Vale Universitu Press, 1983. – p. 258.

² *Правилова Е. А.* Законность и право личности... – С. 124.

³ *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990. – С. 116.

отсутствия правового фундамента, складывался и формировался на протяжении столетий и, очевидно, стал частью менталитета народа. Понятно, что его нельзя изменить в одночасье, даже с учётом убыстрения процессов преобразований, буквально на глазах меняющих жизнь.

Столь значительное место, отведённое в данной статье России, объясняется тем, что практически все постсоветские страны Центральной Азии проходили «правовое воспитание», будучи включёнными в ее состав, что наложило серьёзный отпечаток на процесс создания в них права. Важной чертой развития является то, что общество Кыргызстана проходило этапы модернизации в составе России, все последствия которой – и негативные и позитивные – сказывались на его народе. По сути, общество Кыргызстана на протяжении последних полутора веков своей истории являлось и объектом и субъектом насильственных модернизационных процессов со всеми вытекающими отсюда последствиями. Общество было лишено выбора, поскольку вращалось в качестве спутника в орбите несоизмеримо более мощественной силы. В Российской империи, как известно, не сложилась система рационального права, тем более она не могла сложиться и в Кыргызстане. В нём применялась система обычного права, регулируемого, однако, царским законодательством¹. После распада СССР, отмечает А. Салиев, и образования на его основе новых независимых государств Центральной Азии возник некий правовой вакуум, при котором старые (советские) законы перестали действовать, а новых пока не было. Создание в новых республиках национальных правовых систем, установление принципов судопроизводства, к сожалению, приобрело характер заимствования из соответствующего бывшего советского законодательства, а также международного права². Конечно, нельзя отрицать того факта, что за годы независимости в Кыргызстане была создана и функционирует определённая правовая система. Но ее создание и деятельность пришлось на годы «семейного» правления Акаева и Бакиева, которые широко

¹ Салиев А. Л. Очерки истории судебной практики царизма в кочевых регионах Туркестана. – Бишкек, 2014. – С. 396.

² Там же. – С. 7.

использовали ее для подавления своих противников. Ситуация мало изменилась и после июня 2010 года. Так, подводя итоги 2010 года, В. Богатырёв констатировал, что «по-прежнему закон остаётся слугой власти»¹. Он же отмечал: «...Возьмите, например, вопрос о праве. Нет никакого открытия в том, что право в стране действует весьма ограниченно, весьма избирательно и весьма специфическим образом. Можно сказать ещё жёстче: право является квазирегулятором, оно служит не более чем прикрытием беззакония, ширмой других форм регуляции: семейно-родовых, рыночных, клановых и тому подобное. Вот это противоречие между формальным правом и реальными типами регуляции является мощнейшим источником конфликтов»². Он же констатирует деструкцию правовой системы страны в целом, отсутствие каких-либо ограничителей, сдерживающих правовой нигилизм общества³.

Элита Кыргызстана не только не предлагала стратегических программ создания правового фундамента как основы рационального государства, но и даже при их наличии была бы не в состоянии их реализовать, поскольку, минуя стадию формирования легально-рациональной бюрократии в системе управления страной, перешла непосредственно к стадии демократических процедур. Самое же серьёзное заключается в том, что к моменту провозглашения суверенитета и в последующие десятилетия парадигмы развития страны и общества как таковой, так же как и стратегии долгосрочного развития, не было вообще. Нет ее и поныне. Это явилось следствием неспособности тогдашней и нынешней элиты Кыргызстана в условиях быстротечных процессов осмыслить и тем более разработать таковые. Таким образом, в один из самых ответственных моментов своей истории народ Кыргызстана, по сути дела, оказался без чёткой модели своего будущего. Более того, в стране ещё не оформилась, как реальная и действенная, сила, способная взять на себя руковод-

¹ *Богатырёв В.* Куда ведёт эта дорога? (27.12.2010) // URL: <http://www.bpc.kg/news/12205-27-12-10>

² *Богатырёв В.* Три основания для конфликтов (9.04.2013) // URL: <http://www/ipp.kg/ru/news/2581/>

³ Там же.

ство этим процессом. Пришедшая к власти группа людей, пишет В. Богатырёв, оказалась неспособной в то время, которое у них было, предоставить обществу позитивную картину будущего и убедительную программу действий, не говоря уже о самих действиях¹. В стране отсутствует проект будущего, констатирует эксперт, а находящиеся у власти политические группы и лидеры ориентированы не на решение проблем страны и обеспечение развития, а на власть как таковую и на получение доступа к общественным ресурсам в личных или корпоративных целях. Они не демонстрируют ответственности за происходящее, за свои действия, за страну и за будущее².

Таким образом, для реального продвижения Кыргызстана по пути превращения его в правовое государство крайне важно решить задачу формирования элиты, способной реально осуществить долгосрочные стратегические программы развития страны и общества. При этом совершенно необходимо осуществить переход последней от «местечкового» мышления к мышлению стратегическому. Лишь при наличии этих условий высока вероятность определения целей движения Кыргызстана в будущее и действий по их достижению. Правовое государство и рациональная государственность являются важнейшими элементами на пути создания среды готовности, гарантирующей подлинно демократическое развитие нашей страны.

¹ *Богатырёв В.* Какой должна быть национальная система принятия решений (3.11.2010) // URL: http://www.bpc.kg/admin/editor/files/Bogatyrev%20nev_doc

² *Богатырёв В.* Сценарии развития. Прогнозы. Риски Кыргызстана // URL: <http://www.tazar.kg/index.php?dn=news=art=2015>

Мураталиева З. Т.

**ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
И РОЛЬ ВНЕШНИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ
НА ИХ РАЗВИТИЕ**

Говоря о развитии региональных процессов в Центральной Азии, следует отметить, что их устойчивость во многом зависит от специфики трансформационных процессов. В настоящее время проблема приобретения политической системой новых черт, изменения политических стандартов и ценностей, которая в совокупности представляет собой политическую трансформацию, является весьма актуальной на фоне внешних воздействий на центрально-азиатский регион. Более того, трансформация может также предполагать и радикальные структурные изменения, направленные на достижение качественно нового состояния государств региона, которые могут происходить и в виде перекраивания политической карты, и в виде острых конфликтов между странами.

Важно также отметить, что трансформация не предполагает обязательного наличия вектора изменений – она может быть прогрессивной, регрессивной, а может иметь и сложный (нелинейный) характер¹. На первый план выдвигаются именно преобразования форм и содержания политической жизни, ее институциональной сферы, норм, ценностей, моделей политического поведения.

Прежде чем перейти к анализу трансформационных процессов в государствах Центральной Азии, необходимо дать хотя бы краткое описание теоретических и политических аспектов этого явления в западной политической науке. Основным смысл трансформации, с ее точки зрения, связан с процессами изменений,

¹ Новейший политологический словарь / Авт.-сост.: Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филлипов. – М., 2010. – С. 241.

переживаемых переходными обществами на пути от авторитаризма к демократии и рыночной экономике. Следует отметить, что, начиная с 60–70-х годов прошлого века, проблема перехода от авторитаризма к демократии освещалась в рамках транзитологических теорий. Они были разработаны на базе переходных процессов в странах Латинской Америки и получили дальнейшее развитие в связи с событиями в странах Центральной и Восточной Европы.

В западной политической науке глобальный процесс крушения антидемократических режимов, с лёгкой руки С. Хантингтона, получил название «третьей волны демократизации», кульминацией которого стало крушение коммунистических режимов в СССР и странах Центральной и Восточной Европы.

При этом для западной политологии характерен сравнительно широкий спектр оценок посткоммунистических переходных процессов. Так, американский политолог С. Терри выделяет пять отличий от проблем в странах, которые уже осуществили переход к демократии. Они выглядят следующим образом:

- 1) в посткоммунистических странах пытаются одновременно создать рыночную экономику и плюралистическую демократию;
- 2) вместо создания новых отраслей народного хозяйства посткоммунистические государства вынуждены одновременно идти по пути полного демонтажа уже существующих секторов промышленности и радикальной перестройке и модификации многих производств;
- 3) высокая этническая неоднородность посткоммунистических стран порождает национализм, несовместимый с демократией;
- 4) слабость гражданского общества;
- 5) менее благоприятные для посткоммунистических стран международные условия¹.

Л. Шин называет четыре этапа перехода от посткоммунистического режима:

- 1) разрушение тоталитарной системы;

¹ «Третья волна демократизации» и теории демократического транзита // URL: <http://all-politologija.ru/knigi/politologija-uchebnik-dlya-vuzov-achkasova-gutorova/>

- 2) переход к демократической системе;
- 3) утверждение демократической системы;
- 4) окончательное совершенствование демократических институтов¹.

Вместе с тем транзитология на ее современном этапе исходит из того, что посткоммунистические трансформации носят сложный характер и не гарантируют успеха в их прохождении. Более того, в оценках перехода к демократии посткоммунистических государств начинают преобладать взгляды на установление в ряде них авторитарных политических режимов. Так, например, политолог Ч. Гати называет новые независимые государства Кавказа и Центральной Азии «проигравшими», считает, что в них на смену тоталитарному строю пришли авторитарные режимы и что у них в обозримой перспективе нет шансов на формирование демократической системы и переход к рыночной экономике².

З. Бжезинский видит в процессе демократизации и перехода к рыночной экономике три фазы. Первая фаза связана с проведением ряда преобразований сразу же после падения коммунистического режима. В рамках второй фазы осуществляются институциональные преобразования по обеспечению функционирования демократической системы. Начало третьей фазы приходится на период утверждения в обществе демократической культуры и стабильного роста экономики³.

В целом, следует отметить, что представители западной политической науки достаточно глубоко проанализировали проблемы трансформационных процессов государств, народы которых свергли тоталитарные режимы. В основу осуществлённого ими анализа легли процессы перемен в ряде стран Латинской Америки, Центральной и Восточной Европе. Однако, по мнению российских политологов, транзитологические теории, разработанные в 60–70-е годы прошлого века, применительно к новым независимым государствам, образовавшимся после распада СССР, себя не оправдали. Они не смогли дать рационального

¹ «Третья волна демократизации»...

² Там же.

³ Там же.

объяснения политическим и экономическим процессам, происходившим на их территории¹.

Более того, приходится констатировать, что учёные-политологи и по настоящее время не смогли разработать законченную концепцию постсоветской трансформации. В этом смысле вполне можно согласиться с мнением С. Сафаевой, пришедшей к выводу о том, что «политическая трансформация ННГ однозначно шла в направлении от советской тоталитарной политической системы к демократической системе. Однако по прошествии 16 лет становится всё более очевидным, что это, скорее, линейное, упрощенное представление о сущности трансформации, которая на самом деле является гораздо более сложным, многомерным процессом со множеством постоянных и переменных величин, определяющих и направляющих этот процесс»².

В условиях отсутствия единой концепции постсоветской трансформации на пространстве бывшего СССР, исследователями предпринимаются попытки выделения ее отдельных, определяющих черт, не присущих, в частности, странам Центральной и Восточной Европы. К числу принципиальных характеристик они относят деинституционализацию политической и экономической жизни, отсутствие сильных институтов³. В своей диссертационной работе С. Сафаева пишет: «Но вернёмся к другому важному отличию постсоветского пространства от стран ЦВЕ – к проблеме слабости институтов. Постсоветское пространство в политическом смысле в значительной мере деинституционализировано. Когда я употребляю этот термин, то имею в виду не отсутствие институтов как таковых, а слабость, подвижность, неустойчивость этих институтов. Практически в любой постсоветской стране можно найти огромное количество примеров неустойчивости политических институтов»⁴. В результате этого, по

¹ *Рябов А.* Промежуточные итоги и некоторые особенности постсоветских трансформаций // URL: <http://www.polit.ua/lectures/2010/08/12/ryabov.html>

² *Сафаева С. С.* Региональные процессы стран Центральной Азии в контексте политической трансформации постсоветского пространства: Автореф. дис. ... канд. полит. наук // URL: <http://www.rudocs.exdat.com/docs/index-177012.html>

³ *Рябов А.* Промежуточные итоги и некоторые особенности...

⁴ Там же.

мнению автора, в постсоветских странах доминируют персоналистские режимы.

Другим понятием, характерным для всех без исключения постсоветских стран, является понятие «трансфер-классов», то есть классов, в рамках которых произошло срастание власти и собственности и концентрации их в руках небольшого количества привилегированных групп¹.

Важной особенностью постсоветской трансформации следует также считать персонификацию, клиентелизацию властных отношений, во многом укладывающуюся в понятие патримониализма². В ее рамках правящие группы осуществляют политику монополизации власти и собственности, прикрываясь демократическими процедурами для ее закрепления.

Приведённые данные в полной мере относятся и к государствам Центральной Азии. Как уже отмечалось выше, до сих пор не найден ответ на вопрос, как должно выглядеть современное демократическое центрально-азиатское государство. Вместе с тем представляется необходимым дополнить его содержание некоторыми материалами, позволяющими с большей глубиной понять суть и содержание трансформационных процессов в Центральной Азии. Так, отдельные исследователи видят специфику трансформации в странах региона в совпадении трёх взаимообусловленных процессов: движение в западную модель капитализма, создание государства и его системы управления, а также процесс национальной консолидации³. При этом западные концепции трансформационных процессов не учитывают многие стороны центрально-азиатской действительности. К их числу, в первую очередь, относятся традиционно-патерналистская, частично донациональная форма общественного сознания, которая является господствующей в регионе. Во многом под ее влиянием в Центральной Азии усилились процессы ретрадиционализации общества.

Специфической чертой трансформационных процессов в регионе является авторитаризм и слабость правящих элит.

¹ *Рябов А.* Промежуточные итоги и некоторые особенности....

² Там же.

³ Трансформация в Центральной Азии: столкновение противоположных концепций? (2007) // URL: http://www.postsoviet.ru/print.php?pid=88_10/31/

Практика показала их неспособность, присущую патерналистским режимам, осуществления глубоких институциональных перемен, следствием которых стало бы динамичное развитие общества и государства. Наконец, нельзя не отметить центрально-азиатскую специфику, порождаемую фактором ислама¹.

Центральная Азия характеризуется тенденцией к одновременному формированию множества различных геополитических проектов с неопределенными сферами влияния и применения. Каждый из таких проектов поддерживается ключевыми глобальными акторами. Поэтому в регионе в полной мере проявляются перспективы начала нового этапа трансформационных процессов. Центральная Азия на протяжении всей истории подвергалась влиянию всех великих цивилизаций Евразии – исламской, китайской, восточно- и западноевропейской. В современное время регион превратился в объект столкновения разных «геополитических проектов», предлагаемых ключевыми акторами мировой политики. Подобное положение геополитической неопределенности сложилось вследствие проводимой государствами Центральной Азии «многовекторной» внешней политики с членством в большом количестве международных региональных организаций, некоторые из которых противоречат, а другие дублируют друг друга.

Провал внутрирегиональных интеграционных процессов привел к тому, что началу трансформационных процессов стали способствовать геополитические силы извне, которые одновременно борются за идентичность региона и за присоединение его к интеграционным проектам той или иной части Евразии (Евразийский союз, исламский мир, Европа). В этом плане региону на выбор представлены несколько вариантов развития:

- дефрагментация региона;
- собственный центрально-азиатский путь развития;
- западная модель развития;
- исламизация и «хаотизация» региона;
- евразийская интеграция;
- «китаизация» региона.

¹ Трансформация в Центральной Азии: столкновение противоположных концепций? ...

Исследователи констатируют, что «на центрально-азиатской геополитической площадке сталкиваются несколько проектов внешних сил. Основными из них являются: российский неоимпериалистический проект, американский проект геополитического контроля азиатского мегарегиона, исламский проект расширения пространства противостояния, китайский ресурсно-торговый проект, европейская центрально-азиатская стратегия»¹.

Вариантом трансформационных процессов гипотетически может выступать поиск и реализация собственного центрально-азиатского пути развития. Однако можно говорить о, по сути дела, нерешённости в настоящее время проблемы выбора устойчивой модели развития государств Центральной Азии. В них продолжают процессы трансформации, но их результат до сих пор продолжает оставаться непредсказуемым.

Не отличаются устойчивостью и региональные трансформационные процессы. Причины этого кроются в фактическом отсутствии региональной идентичности, слабой институционализации региона, высоком уровне его конфликтогенности и геополитической неопределённости. В совокупности эти обстоятельства имеют следствием нарастание уровня транзакционных издержек взаимодействия. В целом, можно прогнозировать нестабильность и противоречивость региональных процессов, отсутствие устойчивости в их развитии.

Процессам неустойчивости способствуют также наличие ряда нерешенных проблем приграничного и водно-энергетического характера. Нерешенные пограничные разногласия, которые с распадом СССР превратились в притчу во языцах для стран Центральной Азии как в вопросах двусторонних политико-экономических отношений, так и в фокусе выстраивания современной системы безопасности.

Во многом именно споры по поводу делимитации границ становились камнем преткновения и на пути разрешения этнических противоречий в регионе. При этом предпосылки сложившейся ситуации оформились задолго до распада Советского Союза, который стал своеобразной точкой бифуркации

¹ *Богатырёв В.* Развитие политической ситуации в Центральной Азии: проекты и сценарии // URL: <http://www.ipp.kg/ru/analysis/873>

в развитии Центральной Азии. Во-первых, оформление советских республик в 20-е годы XX века происходило в условиях отсутствия как четких государственных границ в рамках распавшихся Кокандского и Бухарского ханств, так и оформленных надэтнических политических общностей. Во-вторых, провозглашенное советским руководством конституционное право наций на самоопределение с самого начала существования СССР являлось de-facto декларативным ввиду того, что административно-территориальное деление было проведено таким образом, чтобы это право стало невозможно реализовать: многочисленные анклавов, отсутствие четких внутренних границ, единая транспортно-энергетическая система, являющаяся частью единого центрально-азиатского экономического комплекса. В итоге, проведенное размежевание Туркестанского края лишь законсервировало существовавший тип социально-политических отношений, основанный на ценностях патриархальной политической культуры, сдерживая при этом целый спектр негативных последствий в рамках жестко организованной вертикали власти.

Вместе с тем представляется, что существующие в настоящее время пограничные очаги напряженности не смогут перерасти в масштабные вооруженные столкновения между республиками, находясь в вялотекущем режиме с небольшой амплитудой колебаний, вызванных единичными пограничными инцидентами. Данное предположение основано на том, что, несмотря на все разногласия между центрально-азиатскими странами, для всех общими являются угрозы, исходящие от террористических и религиозно-экстремистских группировок, для которых военное столкновение станет благоприятной почвой для распространения своего влияния.

С другой стороны, приграничные разногласия превратились в удобный механизм взаимного давления в экономической сфере и демонстрации лидерских амбиций. В последнем случае показателен пример Узбекистана, который рассматривает все международные договоры не как инструмент компромисса, предполагающего для всех участников равные права и обязательства, а как механизм приобщения соседних республик к процессу реализации своих национальных интересов. Этим детерминируется

резкая реакция Ташкента на аннулирование Бишкеком соглашения по принципам взаимодействия пограничных служб на фоне предшествующих фактов неисполнения этого договора узбекской стороной. В этом отношении представляется, что радикальные трансформационные процессы в Центральной Азии по инициативе самих центрально-азиатских республик маловероятны, а региональные процессы сохраняют высокий уровень нестабильности и неопределённости.

Между тем, в настоящее время регион превратился в площадку противостояния геополитических тяжеловесов – КНР, РФ и США, каждый из которых стремится реализовать свои интеграционные проекты и вовлечь страны региона в орбиту своих интересов. При этом данные проекты (американский «Новый Шелковый путь», китайский экономический коридор «Великий Шелковый путь», евразийские проекты России) также предполагают развитие трансформационных процессов, скроенных по собственным лекалам.

Важной особенностью трансформационных процессов в Центральной Азии следует считать высокий уровень заинтересованности ее элиты в вовлечении в геополитические процессы своих стран внешних акторов. Однако нельзя оставить без внимания и другую сторону в процессах взаимоотношений между центрально-азиатскими странами и внешними акторами. В частности, представители западных стран в своих действиях в странах региона исходили из политики, ставящей целью направить Центральную Азию по капиталистическому пути развития, создать политическую систему по модели западной демократии.

Представители западных политологических школ, рассматривая «дилемму одновременности трансформации», считают, что на постсоветском пространстве синхронизированы три этапа исторического процесса – возникновение национального государства через капитализм к демократии¹. При этом один из авторов этой теории К. Осрфе выдвигает важное условие достижения успеха в решении этих задач. Он пишет: «Единственное условие, при котором рыночная экономика и демократия, навязанные обществу извне, могут быть одновременно трансплантированы

¹ Трансформация в Центральной Азии...

и успешны, то, что они будут гарантированы длительным сроком международной зависимости»¹. Немецкий политолог Эрнст Отто Чемпиль считает: «Ненасильственное вмешательство для демократизации всех систем правления должно стать ядром внешней политики в мире обществ»². По сути дела, подобные тезисы способствовали открытому вмешательству во внутренние дела молодых независимых государств, что являлось прямым нарушением одного из основополагающих принципов Хельсинкского Акта ОБСЕ. Теоретические постулаты подобного рода служили практическим обоснованием фактического конструирования региона Центральной Азии внешними акторами, выдвигавшими собственные модели ее будущего развития.

Особой активностью в деле вмешательства вне региональных сил во внутри- и внешнеполитические процессы государств Центральной Азии отличались страны Запада в лице США и членов Европейского союза. В основу целей и интересов, к достижению которых они стремились в странах региона, были положены ценности либерализма, в первую очередь утверждение демократии и рыночной экономики. Естественные права человека: на жизнь, свободу, собственность, создание государства на основе консенсуса (договора) ставились теоретиками Просвещения выше нормативно-правовых актов государства. Они фактически заменили собой Божественное право, описанное в трудах А. Блаженного, Ф. Аквинского, стали той юридической и идеологической основой, на которой стало формироваться национальное государство в Европе, не зависимое от диктата католической церкви. При этом, сыграв свою роль в деле легитимации политических режимов стран Европы и США, в настоящее время естественные права, или в современной трактовке – права человека, используются в качестве морального оправдания вмешательства во внутреннюю политику *de-jure* суверенных государств. В этом отношении легко прослеживается параллель с крестовыми походами католической церкви XI–XIII веков против «неверных» с современными «гуманитарными интервенциями» стран Запада.

¹ Трансформация в Центральной Азии...

² Там же.

Феномен «гуманитарных интервенций», призванных сильно сделать людей счастливыми, путем приобщения их к «общечеловеческим», то есть либеральным, правам и ценностям, в корне меняет подход к национальному суверенитету. В 2000 году Международная комиссия по интервенциям и государственному суверенитету предложила определять суверенитет *не как право, а как ответственность*. Это было сделано в противовес определению суверенитета в качестве высшей власти, окончательной инстанции, имеющей право принимать основные решения по вопросам внутренней и внешней политики. Причём они не могли быть отменены никакой другой властью, существующей за пределами его территории.

Государство, в соответствии с этой новацией, несет ответственность в деле защиты своего населения, а международное сообщество ответственно за оказание помощи государству в отпавлении им своей главной функции. Если оно не способно обеспечить защиту своих граждан от насилия и несправедливости, международное сообщество имеет моральное право вмешиваться в его внутривнутриполитическую жизнь. Различными методами, включая военные операции, возможные в крайних случаях и входящие в компетенцию Совета безопасности ООН¹. Принцип суверенного равенства государств, закрепленный в Уставе ООН, представляет собой фундамент статуса независимого государства как внутри страны, так и на международной арене. Однако, несмотря на то, что суверенитет стал неотъемлемой частью политической и международно-правовой реальности, он вызывает множество дискуссий в академических кругах ввиду своей категорической неопределенности.

Введение понятия «суверенитет» в научный оборот связывают с окончанием Тридцатилетней войны в Европе и заключением Вестфальского мира в 1648 году, положившего начало новой модели системы международных отношений. Главными параметрами этой модели явились светский суверенитет и равновесие сил между национальными государствами, а впоследствии к ним

¹ The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty (5 марта 2013) // URL: <http://responsibilitytoprotect.org/ICISS%20Report.pdf>

добавились невмешательство извне во внутривнутриполитическую деятельность государства и признание права на независимую внешнюю политику.

И по мере того как идея суверенитета государства распространялась по Европе, выдающиеся политические философы XVI–XVIII веков, задававшие основной мыслительный вектор эпохе Просвещения (Ж. Боден, Т. Гоббс, Ж. Ж. Руссо, Дж. Локк), пытались обосновать видение должного политического суверенного порядка и указать на непосредственный источник суверенитета – народ. При этом различные проекты были сфокусированы на общем круге понятий: концепции естественного права, договорной концепции происхождения политического сообщества в противовес теологическим теориям эпохи Средневековья.

Данные нормативно-правовые сдвиги призваны создать единую юридическую и морально-идеологическую базу набирающим силу процессам глобализации, которые подвергают эрозии роль национального государства в качестве центрального актора международных отношений, обладающего независимостью в осуществлении своего внутривнутриполитического курса. Будучи первоначально обоснованными в качестве фундамента оформления нового типа светского государства, права человека превращаются в главный инструмент его разрушения.

В этом отношении необходимо отметить два момента: во-первых, именно развитые страны Запада становятся цитаделью выработки и распространения этих прав, во-вторых, распространение их сопряжено с функционированием устойчивой системы «двойных стандартов». Именно страны Запада являются финансовыми и экономическими гигантами, действующими исходя из своих национальных интересов. Они лавируют между либеральными и нелиберальными режимами (недружественный авторитарный Иран и самый верный союзник на Ближнем Востоке – Саудовская Аравия), все морально-гуманитарные призывы к военным действиям являются мантрой, скрывающей их действительные цели: новые рынки, ресурсы и геополитические плацдармы.

Таким образом, через распространение прав человека в мировом масштабе отдельные страны реализуют свои национальные

интересы. Так, «гуманитарные интервенции» в Косово, Афганистан, Ирак, Ливию фактически превратили их в сателлитов стран Запада. Их вооруженные силы, силы правопорядка деморализованы: тот политический режим, на страже которого они стояли, являясь его опорой и гарантом обеспечения безопасности государства в целом, объявляется антигуманным, нарушающим права человека. В стратегические отрасли экономики, в первую очередь нефтегазовую, проникают иностранные компании. В целом, эти страны с разрушенной экономикой попадают в финансовую зависимость от носителей либеральных ценностей, вынужденные проводить реформы своих политических систем в соответствии с предписаниями своих кредиторов.

Между тем сущность «гуманитарных интервенций» противоречива не только с точки зрения синтеза элементов реализма (с акцентом на силе и проблемах безопасности) и идеализма (сфокусированного на вопросах справедливости и моральных основаниях современного мира). Они демонстрируют превосходство одних народов над другими, стоящими ниже по уровню развития, якобы не способными самостоятельно усвоить, что является для них благом, а что нет, какая форма политической организации им необходима¹. Это противоречит принципу, заложенному практически во всех международных декларациях о равенстве всех народов в мире и возможности самостоятельно определять пути своего развития. Развенчание мифа о действительных императивах «гуманитарных войн» стало причиной того, что в настоящее время они подспудно с призывами к защите прав человека проводятся под флагом нераспространения оружия массового поражения, борьбы с терроризмом (операции в Афганистане, Ираке, Сирии).

При этом «гуманитарные интервенции» – крайняя мера. Часто реализуются сценарии «цветных революций», базирующихся на описанном еще классиками либерализма праве народов на свержение своего правительства в случае нарушения им естественных прав человека. С одной стороны, революция, хотя

¹ Соловьев Э. Г. Либерал-интервенционализм в контексте нового миропорядка // Мировая экономика и международные отношения. – 2004. – № 11. – С. 116.

и является крайним случаем трансформации политической системы, выступает следствием внутренних дисбалансов и дисфункций этой системы. Но с другой стороны, агентами «цветных революций» выступают, в первую очередь, финансируемые из-за рубежа НПО, СМИ, что превращает их в насаждаемый извне кодекс поведения, запланированную извне перестройку политической системы. При этом последствия также выражаются в кабальной зависимости от стран Запада.

Наиболее ярко истинные цели «гуманитарной помощи» в деле отстаивания народами своих естественных прав проявляются в их борьбе за самоопределение. Так, независимость Косово, в юридическом отношении, признали практически все страны Европы и США. В то же время аналогичные прецеденты Абхазии и Южной Абхазии были объявлены ими нарушением международного права на невмешательство во внутренние дела своего союзника Грузии, на сохранение его территориальной целостности. При этом в системе международного права отсутствуют механизмы разрешения таких юридических коллизий. Резолюции же ООН не воспринимаются в качестве императивов к действию, за исключением тех случаев, когда они соответствуют интересам определенных акторов.

На внутривнутриполитическом уровне такая амбивалентность и абсолютизированность прав человека приводит к невозможности провести красную линию между незаконными действиями граждан и реализацией ими своих естественных прав. В этом отношении показателен опыт Кыргызстана, где органы правопорядка превратились в сторонних наблюдателей митинговой активности граждан, оперирующих заученными шаблонными фразами и требованиями (митинги в Джалал-Абадской и Иссык-Кульской областях в мае-июне 2013 года).

Вместе с тем центрально-азиатский кейс показателен и в практике двойных стандартов во внешней политике стран Запада. События 2005 года в Андижане стали центральным моментом в обвинении руководства Узбекистана в авторитарном стиле правления и пренебрежении правами человека. Однако уже с 2007 года они перешли в плоскость декларативных заявлений международных организаций на фоне нарастающего

сотрудничества Ташкента со странами НАТО в военной сфере на фоне активизации России в центрально-азиатском направлении. Жесткая же реакция властей Казахстана на массовые беспорядки в Жанаозене и Шепте, в условиях усиливающегося внимания стран Запада к его нефтегазовым ресурсам, не стала причиной обличительной гуманистической риторики в их внешней политике.

Таким образом, в настоящее время распространение прав человека, являясь трендом мирового политического развития, составляет основу механизмов «мягкой силы» и легитимации «жесткой силы» в реализации странами Запада своих национальных интересов. В этом ракурсе представляется, что монополия на защиту прав человека должна быть прерогативой отдельно взятого государства, равно как и содержательное наполнение этого понятия, ввиду того что национальные интересы государств разные в силу особенностей политической культуры, географических условий, уровня экономического развития.

Однако в условиях интенсификации процессов глобализации, обуславливающих размывание сущности национального суверенитета и возведение прав человека в ранг наднациональных, общечеловеческих, фактически религиозных ценностей, мерила эффективности и справедливости политических режимов, маловероятно, что такой подход станет базовым в сложившейся системе международных отношений. В этом отношении показательно высказывание одного из самых влиятельных аналитиков в области международных отношений, эксперта по национальной безопасности США Р. Кагана: «Вера в либеральные ценности, которые не могут быть ограничены государственной властью, дает право нравственным людям играть по тем же правилам, что и людям аморальным»¹.

Западная модель развития предполагает реализацию планов США по трансформации региона Центральной Азии в «Новый Шелковый путь» с включением в него Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и Туркменистана, Афганистана, Пакистана, Монголии и западной части Китая. В этом отношении органичными выглядят сопровождающиеся демократической риторикой интеграционные проекты США с включением

¹ *Kagan R. Power Play* (8 февр. 2010) // URL: <http://public.wsj.com>

Афганистана. Однако учитывая опыт цивилизационной миссии США в мире («арабская весна»), представляется, что демократия является лишь мантрой игры на трайбалистских противоречиях, что вписывается в стратегию управляемого хаоса.

В этом отношении интеграция по-американски может означать усиление фрагментации пяти центрально-азиатских республик по родоплеменным характеристикам, что может привести к радикальным трансформациям юридически закрепленных государственных границ. Более того, западная модель развития далеко не отвечает культурно-цивилизационным характеристикам региона, в силу чего имеет довольно невысокие шансы на реализацию в практической плоскости.

Модель евразийской интеграции с определенной долей уверенности можно обозначить как уже частично реализовавшийся проект, поэтому остается только ожидать перехода региона в следующий этап развития. В настоящее время, после вступления Кыргызстана в ЕАЭС, форсируется вопрос о вступлении Таджикистана в эту интеграционную структуру. Однако есть ряд нерешенных проблем, которые тормозят евразийскую интеграцию. Риски для Кыргызстана, в частности, во многом связаны с потерей занятой ниши страны, занимающейся реэкспортом товаров из Китая, а в этой отрасли заняты сотни тысяч человек. С одной стороны, швейная и легкая промышленность получают огромный рынок сбыта, с другой – под угрозу ставится налаженный механизм ввоза расходных материалов из Китая для производства.

В то же время в перспективе появится возможность возрождения собственного производства и сбыта продукции на широкий рынок Евразийского экономического союза, при вступлении в зону Единого экономического пространства наши мигранты получают преференции. То есть стратегически мы получим много преимуществ, но тактически нужно будет решать одновременно несколько насущных проблем. При этом очень важно проводить разъяснительную работу среди широких слоев населения о ЕАЭС, учитывая, что основная масса не знает, какие преимущества получит Кыргызстан в этой структуре.

Другим аргументом в пользу этого интеграционного объединения является сохранение единого цивилизационного

пространства, общей истории и культуры. Русский язык и культура для большинства кыргызстанцев, на наш взгляд, намного ближе, чем китайский или английский языки и культуры. Более того, совместными усилиями решать проблемы безопасности и экономического развития намного целесообразней и эффективней, чем в одиночку.

Плюсы ЕАЭС во многом обусловлены необходимостью выбора дальнейшего вектора развития страны, при котором Россия, несомненно, берет ответственность за будущее региона на себя. На самом деле, старт интеграционных процессов и их результаты будут зависеть не только от борьбы политической элиты Кыргызстана, но и от восприятия и их эффективности, как для его населения, так и для населения Российской Федерации.

По сути, интеграцию нельзя навязать сверху вниз при отсутствии предпосылок на местном уровне. Интеграция сможет стать эффективной только при наличии реальных четких выгод для обеих сторон. Поэтому реализация этой модели в значительной степени будет зависеть от того, насколько эффективно будут решаться тактические трудности в ее рамках с включением Кыргызстана и Таджикистана в эту структуру.

Модель «китаизации» региона связана во многом с функционированием ШОС и внешней политикой КНР. Позиция Пекина по вопросу радикальных трансформационных процессов (в виде передела границ и интервенций) в целом совпадает с позицией Москвы. Для КНР в аспекте территориальной целостности основную проблему представляет уйгурский сепаратизм. В этом отношении показательны составные элементы «шанхайского духа» ШОС: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности государств-членов, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство, признание многовариантности путей развития, мирное сосуществование¹.

Однако общая цель и схожие приоритеты не предполагают одинаковых тактик и форм контроля приграничных районов Центральной Азии со стороны Китая и России. Москва отдает

¹ См.: *Верещагин А. А.* Геополитическая конкуренция глобальных акторов в Кыргызской Республике: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Бишкек, 2013. – С. 118–119.

приоритет военному влиянию в регионе, Пекин – экономическому. Что отчетливо проявляется в рамках ШОС: российские инициативы развития военной составляющей и китайские – в области наращивания экономического сотрудничества через зоны свободной торговли, банк и фонд развития ШОС.

При этом для китайской геополитики присущ бинарный подход к границам. С одной стороны, она выделяет четкие границы китайского государства. С другой стороны, речь идет о районах, граничащих с Китаем, различающихся в зависимости от типа и степени китайского господства и выступающих промежуточной зоной между собственно китайской территорией и неподконтрольным пространством¹. Данный подход обуславливает четкое определение границ со странами Центральной Азии в рамках «шанхайского процесса» второй половины 1990-х годов, сопровождающееся постепенным экономическим проникновением Китая в регион. В свою очередь, экономическая константа, в первую очередь в транспортно-энергетическом секторе, внешнеполитической стратегии детерминирует заинтересованность КНР в сохранении статус-кво в пограничном вопросе, учитывая, что события «арабской весны» поставили под вопрос поставки углеводородов из стран Ближнего Востока.

Саммит ШОС, состоявшийся в сентябре 2013 года, также стал не столько местом решения региональных вопросов, сколько механизмом закрепления успешных двусторонних договоренностей по предоставлению кредитов и вложению многомиллиардных китайских инвестиций в транспортно-энергетический сектор стран Центральной Азии, заключенных в преддверии заседания глав организации в Бишкеке. Традиционно китайская сторона уделила внимание развитию экономического сотрудничества между странами-участницами ШОС: поднимался вопрос создания банка развития на основе китайского капитала, а также подписания договора о строительстве сети транспортных магистралей для связи Европы и КНР через центрально-азиатский регион. И несмотря на то, что все страны Центральной Азии

¹ См.: *Грачиков Е.* Границы Китая: некоторые вопросы понимания (3 июня 2012) // URL: <http://china-geopolitics.ru/vvedenie-v-rubriku-granitsy-kitaya/>

поддержали и альтернативное, нацеленное на достижение паритетного сотрудничества предложение РФ создать фонд развития ШОС для проведения ТЭО взаимовыгодных проектов и в дальнейшем обеспечивать их финансирование из средств межбанковского объединения ШОС, КНР достигла поставленных целей. Пекин, во-первых, получил подтверждение того, что страны региона в перманентной попытке выйти из социально-экономического кризиса будут поддерживать любые транспортные и энергетические проекты (американские, евразийские, китайские) при условии, что на их реализацию будут выделяться кредиты и гранты. Во-вторых, обеспечил коллективную поддержку своим инициативам, что дает возможность осуществить их как на уровне организации, так и в двустороннем порядке.

При этом наибольшая степень противостояния наблюдается между США и РФ, на характер взаимоотношений которых оказывают влияние атавизмы «холодной войны». Именно по линии этого противостояния наметился первый водораздел в Центральной Азии в связи с пророссийским внешнеполитическим вектором Таджикистана и Кыргызстана и проамериканским – Узбекистана. Сферы влияния Пекина пока четко не обозначены, что обусловлено его внешнеполитической стратегией. Она, как известно, основана на принципах Ден Сяопина: «хладнокровно наблюдать, сдержанно реагировать, твердо проводить курс, скрывать возможности и выигрывать время, никогда не пытаться лидировать, всегда быть способным добиваться некоторых результатов»¹.

Китай присутствует в экономиках всех стран региона, но при этом он не нацелен на жесткое противостояние ни с Россией, ни с США. Наиболее четко это проявляется в участии Китая как в европейском проекте CAREC, так и в ШОС. В первом случае Китай поддерживает строительство железнодорожных путей в ЕС в обход России через Центральную Азию, но при этом выдвигает инициативы осуществления расчетов с центрально-азиатскими республиками (Узбекистан и Казахстан) в юанях. С другой стороны, будучи локомотивом ШОС, КНР проявляет

¹ См.: *Верещагин А. А.* Геополитическая конкуренция глобальных акторов в Кыргызской Республике... – С. 119.

солидарность с Россией по ряду вопросов мировой политики (военное присутствие США в регионе после 2001 года, ситуация в Сирии), но в то же время пытается развернуть сотрудничество в рамках ШОС в экономическую плоскость, где занимает лидирующие позиции.

В целом, необходимо отметить, что, воспринимая регион в качестве геополитической границы, контроль над которой обеспечит преимущество в противостоянии с геополитическими конкурентами, КНР и Россия, с одной стороны, и США – с другой, тем не менее, исходя из своего геополитического положения, рассматривают его в разных ракурсах. Для сухопутных держав России и Китая Центральная Азия – это линия обороны своего государственного суверенитета, для морского гиганта США – наступательный фронт своей «цивилизационной» миссии распространения демократии и «борьбы с терроризмом».

Модель исламизации и «хаотизации» региона основывается на предположениях ряда экспертов, указывающих на возможность реализации инспирированного Западом государственного образования на части территории центрально-азиатских республик. Оно предполагает создание государства Великого Бадахшана, на базе афганского Бадахшана и ГБАО Таджикистана¹. Для реализации данного сценария, считают западные эксперты, в регионе существуют все необходимые предпосылки. В их числе обострение социально-экономических проблем, межклановые противоречия, нестабильные политические системы (отсутствие механизма конституционной передачи власти в Таджикистане), наличие ячеек экстремистских группировок, в том числе ИДУ, СИД, Хизбут-Тахрир и других радикальных организаций, деятельность которых фактически не отслеживается и не пресекается правоохранными органами. Кроме того, в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана активно реализуются различные социально-экономические программы, финансируемые прозападным Фондом Ага-Хана. Благотворительная

¹ См.: *Шустов А.* В ЦА возникнут новые государства?: О проекте таджикско-афганского Великого Бадахшана (19 сент. 2013) // URL: <http://www.russianskz.info/politics/4904-v-ca-vozniknut-novye-gosudarstva-o-proekte-tadzhiksko-afganskogo-velikogo-badahshana.html>

деятельность вкупе с религиозным воспитанием (практически на всей территории республики функционирует более 60 мечетей исмаилитов и Центр исмаилитов), а также прослеживаемыми связями ряда крупных в стране предпринимателей с Ага-Ханом IV создают благоприятные условия оформления сепаратистских настроений и их стимулирования в нужный момент.

Однако представляется, что в среднесрочной перспективе реализация данного сценария маловероятна по ряду причин:

– во-первых, Вашингтон намерен сохранить ряд военных баз в Афганистане, что соответствует американской стратегии «лепестки лилии» («Lily-PadStrategy»), разработанной в конце 1990-х – начале 2000-х годов с целью создания глобальной сети американских военных форпостов, сил быстрого реагирования. Суть стратегии, заключается в сокращении численности вооруженных сил на крупных военных базах и одновременном расширением сети более мелких военных объектов по всему миру, численность военного контингента и запасы вооружений которых могут быть при необходимости быстро увеличены¹;

– во-вторых, последние по времени президентские выборы в Таджикистане продемонстрировали заинтересованность США в сохранении властного статус-кво в республике. Об этом свидетельствуют подписание резолюции Межправительственного совета «CASA-1000», актуализирующей строительство Рогунской ГЭС – стратегического для Таджикистана объекта инфраструктуры; достаточно спокойная реакция на исход голосования, которая не ставит его под сомнение (Госдеп США ограничился лишь замечаниями относительно необходимости реформирования выборного законодательства в соответствии с рекомендациями БДИПЧ ОБСЕ);

– в-третьих, в регионе ярко не обозначены тенденции к сепаратизму под лозунгами национального самоопределения (как на Ближнем Востоке, в первую очередь в ситуации с курдами);

– в-четвертых, существующие границы позволяют поддерживать напряженность в отношениях между государствами и, следовательно, сохранять контроль над ними;

¹ См.: *Vine D.* U. S. Empire of Bases Grows (15 июля 2012) // URL: <http://www.tomdispatch.com/blog/175568>

– в-пятых, регион граничит с непосредственными геополитическими конкурентами США – РФ и КНР.

В текущей ситуации вероятность сценария рассматривается не более чем на уровне 5%. Но, в отличие от предыдущих сценариев, вероятность «Исламского Халифата» будет возрастать в средне- и долгосрочной перспективе от 5 до 30%, считают эксперты¹.

Рассмотрим гипотетическую возможность начала трансформационных процессов в виде дефрагментации региона, начало которым могут дать гуманитарные интервенции, а также двойственность международного права. Подобный сценарий дает основание для вывода о его опасности, поскольку он несет угрозу стабильного развития государств региона. Однако дефрагментация региона, по нашему мнению, в виде военных конфликтов и передела государственных границ в среднесрочной перспективе маловероятна по причине отсутствия мотивации у самих центрально-азиатских республик, с одной стороны, сталкивающихся с необходимостью противостоять угрозам религиозного экстремизма и терроризма, с другой – трансформировавших пограничные споры в инструмент оказания взаимного давления.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что роль внешних воздействий на трансформационные процессы в регионе достаточно велика, учитывая, что ведущие игроки сфокусированы на «геополитическом размежевании» региона в соответствии с выработанными веками стратегиями: США – управляемый хаос на фоне ретрадиционализации и архаизации местных сообществ путем гибридизации их политических систем и использовании афганского фактора; Россия – апеллирование к общим историческим корням на фоне наращивания своего военного присутствия; КНР – латентное, «мягкое» экономическое влияние. Нынешняя трансформация Центральной Азии разворачивается таким образом, что регион углубляется одновременно и в четыре различных геополитических проекта: Евразийский союз, китайский путь, западная и исламская модели.

¹ *Старостин А.* Будущее Центральной Азии глазами экспертов (03.09.2012) // URL: <http://www.islamsng.com/sng/report/5299>

ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Одновременное и неустойчивое протекание на территории бывшего Советского Союза интеграционных и дезинтеграционных процессов (в обоих случаях высока вероятность возвратных тенденций) не позволяет четко обозначить пространственно-временные границы и выделить сущностные свойства евразийской интеграции, а значит, сформировать о ней цельное научное знание. Созданию теории евразийской интеграции мешает и неопределенность интеграции в общих теориях интеграции или как особой системы межгосударственных отношений, или как процесса объединения нескольких государств в одно государство¹, как это происходит в Европейском союзе, в котором ключевые властные полномочия, характеризующие страны как государства, переданы наднациональным институтам. Внешняя и внутренняя политика стран Европейского союза находится под жестким контролем Брюсселя (все значимые решения экономического, политического и даже идеологического характера согласовываются с еврочиновниками). Построение теории евразийской интеграции осложняется, вернее, задерживается ещё и тем, что сама по себе интеграция выступает как сложное явление, во многом обусловленное цивилизационной принадлежностью и ментальными особенностями интегрирующихся народов.

Именно охваченность одного и того же географического пространства разнонаправленными интеграционными и дезинтеграционными процессами не позволяла увидеть ученым устойчивые тенденции во взаимоотношениях государств СНГ. Интеграционные процессы рассматривались одними учеными как процессы формирования единого экономического

¹ Попович А. Интеграция: теоретические аспекты // URL: <http://fmp-gugn.narod.ru/pop2.html>

пространства (Ю. В. Шишков)¹, другими – как новый уровень отношений между государствами СНГ (Н. Е. Овчаренко, М. Е. Стержнева и В. Г. Шемятенков)². Есть и такие, которые интеграционные процессы понимают как момент появления региональных межгосударственных объединений (К. Г. Шерьязданова)³. В многочисленных исследованиях (Е. И. Пивоваров, А. Лебедев и М. Крук)⁴ СНГ рассматривается как межгосударственное объединение. Ученые М. Либман, Б. А. Хейфец и В. Паньков находят интеграционные и дезинтеграционные процессы взаимосвязанными и взаимообусловленными⁵, что стало отличным основанием для выдвижения А. Празаускасом и Д. Милибландом идеи о невозможности существования в перспективе постсоветского пространства как интеграционного образования⁶.

¹ *Шишков Ю. В.* Формирование европейского экономического пространства. Заглядывая в 21-й век: ЕС и СНГ. – М., 1998; *Шишкова Ю. В.* Интеграционные процессы на пороге XX века: Почему не интегрируются страны СНГ. – М., 2001; *Шишкова Ю. В.* Интеграционная зрелость – неременное условие сращивания национальных экономик // Россия и СНГ в новейших европейских интеграционных процессах. – М., 2003.

² *Стержнева М. Е.* Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Международные процессы. – 2005. – Т. 3. – № 1(7). Январь–апрель; *Шемятенков В. Г.* Европейская интеграция. – М., 2003; *Шемятенков В. Г.* Современные теории интеграции // URL: <http://kk.convdocs.org/docs/index-21682.html?page=51>

³ *Шерьязданова К. Г.* Современные интеграционные процессы // URL: <http://interservis.info/lib/i2/>

⁴ *Пивоваров Е. И.* Постсоветское пространство: альтернативы интеграции: Исторический очерк. – СПб.: Алетейя, 2008; *Лебедев А., Крук М.* Экономическая политика: стратегия и тактика: К вопросу о стратегии реформирования Содружества независимых государств // Проблемы теории и практики управления. – 2007. – № 1. – С. 8–15.

⁵ *Либман А. М., Хейфец Б. А.* Модели экономической дезинтеграции: интеграция и дезинтеграция // Евразийская экономическая интеграция. – 2011. – № 2 (11). Май. – С. 11; *Паньков В.* Интеграция и дезинтеграция на постсоветском пространстве // Мир перемен. – 2007. – № 3. – С. 128.

⁶ *Празаускас А.* СНГ как постколониальное пространство // Независимая газета. – 1992. – 7 февр. // URL: http://www.ualberta.ca/~khineiko/NG_92_93/1141438.htm; Лондон: постсоветского пространства больше нет (Интервью с министром иностранных дел Великобритании Д. Милибландом) // URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_7558000/7558484.stm

Несмотря на многочисленные исследования, проведенные учеными А. Дугиным, И. Панариным, Е. Винокуровым, Г. Кулагиным с использованием евразийской идеи в качестве теоретического обоснования начавшихся интеграционных процессов на постсоветском пространстве¹, они не привели к появлению цельного научного знания о евразийской интеграции. Этого и не могло произойти, так как в евразийской идее говорится об исторической предопределенности единства евразийских народов, а не об интеграции как особой системе межгосударственных отношений. По тем же причинам Г. Е. Ибрагимовой и Л. Косиковой не удалось прийти к цельному пониманию объединительных процессов, происходящих на пространстве СНГ². Теоретическое обобщение не делается и в исследованиях А. Либмана, Л. Дегтярь и З. Гулиева³, посвященных альтернативным региональным интеграционным процессам на пространстве бывшего СССР. В них они рассматриваются в негативном и деструктивном ключе и как временное явление.

Определенная надежда в теоретическом осмыслении евразийского интеграционного процесса связывается с молодыми российскими учеными О. А. Бирюковой, А. А. Марышевым, А. В. Чаевичем, О. В. Золотокрылиным, Р. Абгарян и В. М. Ал-

¹ *Дугин А. Г.* Евразийская идея в качественном пространстве // URL: <http://evrazia.info/print/1904>; *Панарин И. Н.* Идеология евразийского союза // URL: <http://oko-planet.su/politik/politiklist/130536-igor-panarin-ideologiya->; *Винокуров Е.* Евразийская интеграция // URL: <http://www.vinokurov.info/eurasian-ru.htm>; *Кулагин С. В.* Эволюция концепции евразийства и перспективы ее реализации в международном сотрудничестве на постсоветском пространстве // URL: <http://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-kontseptsii-evraziistva-i-p...>

² *Ибрагимова Г. Е.* Содружество независимых государств в 2005–2010 гг.: Актуальные проблемы и перспективы (по материалам периодической печати) // URL: <http://www.eni.kz/nauka/publikacii-uchenyh-eni/Ibragimova/2.doc>; *Косикова Л.* Отношения России со странами СНГ: новая ситуация и необходимость адекватного стратегического реагирования // *Российский экономический журнал.* – 2007. – № 9–10.

³ *Либман А.* «Вторая трансформация» в постсоветских странах // *Общественные науки и современность.* – 2007. – № 3. – С. 5–17; *Дегтярь Л.* Социальная составляющая трансформационных процессов в постсоветских государствах // *Россия и современный мир.* – 2005. – № 3. – С. 128–144; *Гулиева З.* От аббревиатуры ГУАМ может остаться только «Г» // URL: http://www.newsab.ru/politics/id_288297/

чиновым¹, которым в своих исследованиях удалось выйти к наиболее существенным характеристикам евразийской интеграции. В этом отношении для понимания сути евразийской интеграции большое значение имеет проведенный ими анализ интеграционных процессов, происходящих на всем постсоветском пространстве. Ведь им в своих анализах удалось четко отделить интеграционные процессы от процессов восстановления связей между странами, разрушенных с распадом Советского Союза. Более того, восстановление связей между странами ими показано как закономерный процесс, во многом обуславливающий специфику протекания евразийского интеграционного процесса. «Поэтому логически верно выстроенное ими знание об интеграционных процессах на постсоветском пространстве вполне может лечь в основу создающейся теории евразийской интеграции»².

Анализ имеющейся литературы показывает, в первую очередь, сложность точного определения пространственной границы евразийской интеграции, как ранее сказали, из-за неустойчивости

¹ *Абгарян С. Р.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: основные теоретико-методологические подходы: Автореф. дис. ... канд. полит. наук // URL: <http://www.dissercat.com/content/integratsionnye-protsessy-na-postsovetov>; *Бирюкова О. А.* Региональная интеграция на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы: политологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук // URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/regionalnaja-integracija-na-postsov>; *Марышев А. А.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве в контексте евразийской перспективы: Автореф. дис. ... канд. полит. наук // URL: <http://www.dissercat.com/content/integratsionnye-protsessy-na-postsovetov>; *Чавич А. В.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации (политологический анализ): Автореф. дис. ... канд. полит. наук // URL: <http://www.dissercat.com/content/integratsionnye-protsessy-na-postsovetov>; *Золотокрылин О. В.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: противоречия и конфликты: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук // URL: <http://www.dissercat.com/content/integratsionnye-protsessy-na-postsovetov>; *Алчинов В. М.* Процессы региональной интеграции в Европе и на постсоветском пространстве: интересы России: политологический анализ: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук // URL: <http://www.dissercat.com/content/protsessy-regionalnoi-integratsii-v-evr>

² *Асанбеков М. К.* Основные теоретико-методологические подходы в исследовании евразийской интеграции // URL: <http://easttime.ru/analytics/tsentralnaya-aziya/osnovnye-teoretiko-metodologicheskie-podkhody/8042>

диаметрально противоположно протекающих интеграционных и дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве. Кроме того, хаотичность современных геополитических процессов не позволяет, хотя бы приблизительно, обозначить пределы пространственного расширения евразийской интеграции (большая часть территории бывшего Советского Союза, на которой протекает евразийская интеграция, продолжает оставаться ареной борьбы между мировыми геополитическими силами). Следовательно, пространственное разграничение евразийской интеграции как объекта научного исследования представляется весьма сложной задачей, от решения которой будет зависеть, сможем ли мы выйти к раскрытию ее внутренней логики развития. Это важно и с точки зрения обеспечения точности получаемых знаний о евразийской интеграции, так как гарантировать то, что обнаруженные явления или связи характерны именно ей, как разворачивающейся на постсоветском пространстве конкретной системе межгосударственных отношений, будет весьма проблематичным.

Сложность в выстраивании научного знания о евразийской интеграции связана и с тем, что в нее вовлекаются страны, которые ранее входили в состав Советского Союза. И в этом смысле, очень трудно этот процесс рассматривать как интеграцию, а не как постепенное восстановление существовавших в советское время связей между странами (реинтеграцией). Ведь интеграция происходит путем передачи части полномочий государственных органов власти наднациональным институтам, а стратегия разворачивания евразийского интеграционного процесса вырабатывается и продвигается преимущественно Москвой, представляющей страну, значительно превосходящую по своему потенциалу все другие вместе взятые страны евразийского союза. Соответственно, выведение объекта из среды (имеется в виду выведение евразийской интеграции из схожих ей процессов), как важнейшая задача построения научного знания, становится трудно реализуемым, может быть, практически невозможным. А без разграничения объекта говорить о научности полученных или получаемых знаний о евразийской интеграции вряд ли будет правомерным¹.

¹ См.: *Челядинский А. А.* Понятие интеграции в международных отношениях: теоретический аспект // URL: <http://evolutio.info/content/view/1530/232/>

Не помогает в выстраивании научного знания о евразийской интеграции и то, что в общих теориях интеграции не указываются пределы интеграции (конечный пункт движения), то есть она не определена как конкретная система межгосударственных отношений. А если в них интеграция не определена как особая система межгосударственных отношений, мы не можем не рассматривать ее и как процесс перехода от одной системы межгосударственных отношений к другой. Другими словами, мы не можем утверждать, что интеграция – это межгосударственное объединение, а не процесс объединения нескольких государств в одно государство. Случай же с Европейским союзом не рассматривать как процесс появления конфедеративного образования. Собственно, с этим и связана нечеткая выраженность в общих теориях интеграции структурных элементов интеграции. Точнее, она как процесс не разделена на этапы или стадии разворачивания и не показано, чем отличается каждый из этих этапов друг от друга. В такой ситуации, когда не определены структурные элементы исследуемого объекта, разговоры о внутренних связях, предопределяющих развитие этого объекта, в лучшем случае являются преждевременными. Любое знание может претендовать на научность только тогда, когда в нем представлены общие законы, определяющие развитие рассматриваемого объекта.

Отсюда становится понятным то, что в общих теориях остаются неопределенными пределы интеграции¹ из-за сложности определения ее предметной области. Это связано с тем, что очень трудно интеграцию выделить как особую систему межгосударственных отношений, так как она при всем нашем желании обозначить ее как особый уровень межгосударственных связей таковым не является, а представляет собой промежуточный этап объединения находящихся в тесных экономических и культурных связях государств в одно большое государство. Во всяком случае, процесс передачи властных полномочий наднациональным институтам не может оставаться надолго на каком-то фиксированном уровне, чтобы можно было принять это как целостную и завершённую систему отношений. Интенсификация

¹ Сорокина И. О. Теоретические основы понятия «интеграция» и принципы ее осуществления // URL: <http://dis.ru/library/detail.php?ID=26533>

сотрудничества обязательно приведет к полной передаче властных полномочий государствам наднациональным институтам. В этом смысле интеграцию в том виде, в каком она представлена в общих теориях, нельзя рассматривать как органически целое, она в них выступает как процесс трансформации одной системы отношений в другую. Вот почему неопределенность предметной области интеграции в общих теориях не позволяет выстроить цельное научное знание о евразийской интеграции.

С другой стороны, хотя интеграция, на наш взгляд, представляет собой промежуточный этап перехода из одной системы межгосударственных отношений к другой, она выступает как сложное явление, во многом обусловленное цивилизационной принадлежностью и ментальными особенностями интегрирующихся народов. Все интеграционные процессы, включая и евразийский интеграционный процесс, как правило, разворачиваются на территории распространения цивилизаций¹, вернее, межгосударственные объединения создают государства, народы которых принадлежат к одной конкретной цивилизации. К примеру, Европейский союз никак не хочет принять в свои ряды Турцию, являющуюся одной из мусульманских стран. А так как объединение государств происходит внутри конкретной цивилизации, интеграцию можно рассматривать и как современный этап развития цивилизаций или как ее современное политическое проявление. Кроме того, отдельными учеными (вполне обоснованно) интеграция рассматривается и как геополитический процесс (межгосударственные отношения, обусловленные географическими факторами). Словом, многогранность интеграции, связанная с ее максимальной схожестью с цивилизационными и геополитическими процессами, ставит в затруднительное положение ученых, решивших принять участие в построении о ней специального научного знания.

Таким образом, сложность евразийской интеграции как явления и как объекта науки, по нашему мнению, заключается в том, что она хоть и не представляет собой целостную и завершенную систему отношений, но вбирает в себя совершенно разнородные

¹ Пономарева Е., Рудов Г. Евразийское интеграция и цивилизационное пространство России // URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N9_2013/018_030.pdf

и относительно автономные отношения, каким-то образом находящиеся в едином процессе межгосударственного объединения. Следовательно, построение теории евразийской интеграции возможно только при выявлении во всех данных разнородных отношениях «общих сторон и заместить их одним “обобщенным” образом, абстрактно-общим»¹. Собственно, только такой подход даст нам право говорить о евразийской интеграции – теперь уже не как о разрозненном множественном объекте, а как о едином предмете исследования. Другими словами, потребуются вычленение в таких явлениях, как евразийская цивилизация, евразийское геополитическое образование, евразийский менталитет, дезинтеграционные процессы на пространстве СНГ, реинтеграция и так далее, общих с евразийской интеграцией качеств. Такой методологически выверенный подход позволит нам дать полную характеристику евразийской интеграции как объекту научного исследования.

В этом плане большой интерес представляют концептуальные подходы в исследовании евразийской интеграции: *концептуальное обоснование взаимосвязи интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве; теория постсоветского транзита в контексте концепции европейского соседства; конфедеративная модель СНГ; теоретическое обоснование евразийского концепта региональной интеграции на постсоветском пространстве и альтернативные модели политической интеграции на постсоветском пространстве*. Указывая на особую сторону исследуемых процессов, они выводят нас на понимание того, что эти процессы вызваны одними и теми же причинами и их протекание подчинено общим законам развития интеграционных процессов. Также каждый из этих подходов, указывая на отдельные стороны евразийской интеграции, позволяет раскрыть ее как особый уровень международных отношений, а также сравнить различные варианты движения государств в направлении тех или иных форм интеграции (евразийской, конфедеративной, проевропейской или протюркской)².

¹ Шедровицкий Г. П. Проблемы построения системной теории сложного «популярного» объекта // URL: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/41>

² Авдонин В. С. Основные теоретические подходы в исследовании интеграции // URL: <http://library.rsu.edu.ru/archives/6472>

**СУБЪЕКТЫ И ОБЪЕКТЫ
ВНЕШНЕГО ИНФОРМАЦИОННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ОТНОШЕНИИ КЫРГЫЗСТАНА**

Кыргызская Республика, как и другие страны постсоветского пространства, испытывает воздействие глобальных перемен в мировой коммуникационно-технологической сфере, произошедших в несколько последних десятилетий и сформировавших в итоге новое глобальное информационно-психологическое пространство. В результате расширения его рамок население Кыргызстана, переживая трансформационные процессы и переломные события в своей постсоветской истории, оказалось частью этого пространства. Четверть века кыргызской государственности радикальным образом изменили облик страны и общества, создали новый социум, который в условиях открытости развивался не только по собственным законам, но и стал объектом внешнего воздействия, в первую очередь со стороны Запада. За эти годы кардинально изменились политический строй и идеологические установки, активную роль в жизни общества стали играть традиции и обычаи многовекового образа жизни кыргызов, страна пережила две так называемые «цветные революции» с непосредственным участием «внешних игроков».

Совокупность новых реалий, а также возросшая активность внешних сил делают крайне важной задачу рассмотрения объектов и субъектов информационно-психологического воздействия в отношении Кыргызской Республики. При этом следует отметить крайне слабую изученность данной проблематики в Кыргызстане, практическое отсутствие исследований по вопросам информационно-психологического воздействия на политические структуры и общество страны в целом. В данном случае в качестве субъектов воздействия можно рассматривать

деятельность иностранных государств, стремящихся получить преимущество в информационном поле не только стран центрально-азиатского региона, но и сопредельных государств для усиления своего присутствия и укрепления геополитического превосходства.

По Н. Храмцовой, в качестве субъектов информационного воздействия могут выступать:

- государства и коалиции государств;
- государства, чьи интересы могут быть реализованы не иначе как с использованием методов информационной войны;
- международные и неправительственные организации, в том числе подконтрольные либо зависимые от отдельных государств;
- международные финансовые институты, способные влиять на мировые политические и экономические процессы;
- центры мировых религий, а также международные религиозные и иные структуры террористической, экстремистской, радикально-политической и иной направленности;
- повстанческие и национально-освободительные движения;
- транснациональные преступные группировки;
- глобальные информационные сети;
- олигархические структуры;
- медиа-корпорации¹.

В качестве субъектов информационно-психологического воздействия по отношению Кыргызстана могут выступать:

- министерства и ведомства иностранных государств, официально сотрудничающие с государственными органами Кыргызстана;
- государственные компании и акционерные общества с контрольным пакетом акций иностранных государств;
- отдельные отечественные и подконтрольные иностранным государствам средства массовой информации, телекоммуникационные компании и фирмы разработчики программного обеспечения;

¹ *Храмцова Н. Г.* Психология информационного воздействия. – Курган, 2003. – С. 26.

– научно-исследовательские институты, научные организации, неформальные объединения ученых, которые могут быть использованы иностранными государствами;

– международные и неправительственные организации, в том числе и террористические и религиозно-экстремистские.

При этом информационно-психологическое воздействие субъектов в сфере законодательной деятельности Кыргызстана направлено на:

– формирование каналов влияния на законодателей (парламент, законодательные органы);

– информационную поддержку оппозиционных сил и дискредитацию пропрезидентских партий, фракций, отдельных политиков;

– организацию критических выступлений в отношении президентских и правительственных законодательных инициатив, не соответствующих интересам иностранных государств и компаний;

– лоббирование принятия законов и нормативных актов в интересах иностранных государств, компаний, общественных организаций.

В сфере управленческой деятельности информационно-психологическое воздействие субъектов направлено на:

– оказание влияния на высших должностных лиц государства;

– оказание влияния на политическую элиту страны;

– проникновение в аппарат высших должностных лиц с целью информационно-психологического воздействия на процессы принятия решений, подбор и расстановку кадров, распространения дезинформации и слухов;

– формирование международного общественного мнения в отношении лидеров государства, их внешней политики в соответствии с поставленными задачами;

– формирование общественного мнения внутри страны в отношении высших должностных лиц государства, их деятельности, системы власти в целом в выгодном субъекту направлении.

В духовной и образовательной сфере информационно-психологическое воздействие субъектов направлено на:

- вытеснение национальных и культурно-исторических традиций, проникновение в массовое сознание штампов западной и восточной массовой культуры;
- снижение уровня национального самосознания;
- ослабление и раскола традиционных религиозных конфессий;
- усиление ориентации местной уммы на арабское исламское сообщество;
- пропаганду и популяризацию идеи исламистов в средствах массовой информации и коммуникаций, а также в государственных структурах;
- отправку лучших учеников в теологические учебные центры исламских государств;
- способствование разрушению национальной системы образования и последующей замене на западную или восточную;
- информационно-психологическое обеспечение оттока перспективной талантливой молодежи в научные центры ведущих зарубежных стран;
- организацию и проведение массовых антиобщественных, экстремистских акций против официального духовенства и государственных учреждений.

Объектом информационно-психологического воздействия всегда был и остается человек. При этом объект связан с целями и задачами субъекта. В этой связи к объектам информационно-психологического воздействия можно отнести конкретных лиц, информационно-коммуникационных технических систем и организаций.

В зависимости от цели проведения информационно-психологического воздействия объекты могут меняться и уточняться. При выборе объекта обычно выделяются следующие основные характеристики, подлежащие изучению и учету:

- национально-психологические отличия;
- индивидуально-личностная и групповая принадлежность;
- особенности морально-психологического состояния индивида, группы, населения и общества.

Национально-психологические особенности населения являются составной частью культурно-духовной жизни общества, отражающие те общие черты представителей нации в представлениях, устойчивых формах поведения, чертах психологического облика. В этой связи при проведении информационно-психологического воздействия на население учитываются индивидуально-личностные особенности различных категорий людей, их принадлежность к определенной социальной группе. Правильно выбранный учет национально-психологических особенностей людей, как утверждают исследователи, увеличивает эффективность информационно-психологического воздействия на них.

Объектом информационно-психологического воздействия нередко выбираются национальные меньшинства, так как во многих случаях они испытывают, в их представлении, психологический, правовой, социальный, религиозный дискомфорт. В отдельных случаях могут быть использованы организации национальных меньшинства в интересах того государства, выходцами которого они являются.

При оказании информационно-психологического воздействия на сознание человека непосредственным объектом является социальная информация, потребляемая, обрабатываемая и производимая человеком. В классическом понимании данный вид информационно-психологического воздействия осуществляется в процессе человеческого общения – взаимной передачи информации от одного человека к другому.

Г. Грачев и И. Мельник предлагают вариант классификации информационно-психологического воздействия по основанию направленности коммуникаций и соотношению их субъектов и объектов. Они разделяют все коммуникативные ситуации, в которых на человека оказывается информационно-психологическое воздействие, на три основные группы:

1) ситуации межличностного взаимодействия, когда происходит непосредственное общение и обмен информацией. Как говорят, «лицом к лицу», а также опосредовано (телефон, почта, телеграф, факсимильная связь, в том числе Интернет и различные иные системы связи). Здесь человек выступает одновременно

и субъектом, и объектом коммуникации, осуществляется двусторонний коммуникационный процесс;

2) контактно-коммуникационные или публичные ситуации, в них осуществляется, в основном, односторонняя непосредственная коммуникация по типу «коммуникатор – общность людей» (ситуации проведения собраний, совещаний, митингов, зрелищных и иных мероприятий);

3) массово-коммуникационные ситуации, в которых на человека осуществляется информационно-психологическое воздействие средств массовых коммуникаций. Здесь осуществляется односторонняя опосредованная коммуникация по типу «СМК – человек (аудитория)» (ситуации просмотра телепередач, прослушивания радиопрограмм, чтения газет, журналов, различных печатных изданий, взаимодействия с разнообразными информационными системами)¹.

Следует отметить, что всё сказанное выше, в полной мере относится и к Кыргызстану. Кыргызская Республика является объектом информационно-психологического воздействия иностранных государств, в силу того что находится в центре Центральной Азии, ее геополитическое положение позволяет в определенных условиях влиять на развитие обстановки в сопредельных государствах. Кыргызстан рассматривается ведущими государствами мира не только в качестве «ключа для решения всех проблем в Центральной Азии», но и «важным мостом в отношениях Евросоюза с соседними странами региона»².

Основными объектами информационно-психологического воздействия на Кыргызстан могут быть:

1) в технической сфере:

– информационно-телекоммуникационная инфраструктура, в том числе информационно-управляющие системы государственного управления;

¹ Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – М, 2004 // URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Grach/index.php

² Ангела Меркель: Кыргызстан играет очень важную роль, являясь важным мостом в отношениях Евросоюза с Китаем и странами региона (2.04.2015) // URL: <http://www.knews.kg/politics/62303/>

- экономика;
- вооруженные силы;
- спецслужбы;
- правоохранительные органы;

2) в гуманитарной сфере:

- государственная национальная идеология;
- культурно-духовная сфера населения;
- система науки и образования;
- информационно-психологическая среда общества, психические процессы, психика и поведение социальных групп, отдельных индивидов¹.

Сказанное выше еще раз подтверждает системность информационно-психологического воздействия иностранных государств и общую направленность их действий, акций и мероприятий на возможность при необходимости дестабилизации общественно-политической, социально-экономической обстановки в Кыргызстане, которая в данном контексте может рассматриваться как общий объект информационно-психологического воздействия. В связи с этим, с учётом реальности реализации подобного воздействия, возникает непосредственная угроза национальной безопасности Кыргызской Республики, что требует принятия адекватных мер, направленных на его нейтрализацию.

¹ Свиридов И. В. Социально-философское исследование информационных войн: Дис. ... канд. филос. наук / НГУ.– Новосибирск, 2002. – С. 152.

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ЭТНИЧНОСТИ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ

На сегодняшний день Ферганскую долину занимают три независимых государства: Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан. Стоит отметить, что подобное разделение наблюдается в долине впервые, так как в течение всей регистрируемой истории, по крайней мере, до советского периода, данная территория всегда составляла единое государственное, экономическое и культурное пространство. Так, она входила составной частью в следующие образования: государство Давань (III век до н. э. – III век н. э.), Кушанское государство (III–IV века), государство эфталитов (V век – первая половина VI века), тюркский каганат (вторая половина VI века – первая половина VII века), арабский халифат (вторая половина VII века – первая половина VIII века), тахиридское царство (первая половина IX века), государство саманидов (вторая половина IX-го – X век), Караханидский каганат (X–XII века), государство Великих моголов (XIII–XIV века), государство Тимуридов (XIV–XV века), государство Шейбанидов (XVI век), государство Аштарханидов (XVII век), Кокандское ханство (XVIII–XIX века), Ферганская область Туркестанского генерал-губернаторства (1876–1917 годы). Долина была местом смешения языков и культур различных народов. Исследователь Центральной Азии Сергей Абашин вовсе утверждает, что Ферганская долина как минимум с XVI века была местом постоянных миграционных процессов, а в XVIII–XIX веках они приобрели настолько выраженную динамику, что население этого микрорегиона практически сложилось заново¹.

В обозначенный период истории миграционные процессы были как источником конфликтов, так и их следствием. Так,

¹ *Абашин С.* Национализмы в Средней Азии. – С. 64 // URL: http://csip.asia/sites/default/files/abashin_kniga_0.pdf

к примеру, постепенная скупка и захват оседлым, по преимуществу сартским (самоназвание одного из этносов, позднее вошедших в состав узбеков), узбекским и таджикским, населением в Ферганской долине земель кочевников и продвижение, таким образом, в сторону гор приводило к вооружённым столкновениям и нападениям номадов на земледельцев, их грабежу и убийствам¹. Переселение в долину значительного количества кыпчаков и их претензии на власть привели к их физическому истреблению в 1851 году. Остатки этого этноса смогли найти убежище лишь в окружающих горах².

Но, с другой стороны, несмотря на наличие конфликтов на почве распределения земли, имущества, власти, также отмечался значительный процесс смешения кочевых и оседлых народов. Известный путешественник Арминий Вамбери, посетивший в XIX веке Центральную Азию, писал: «...Киргизы, кипчаки и калмыки, едва поселившись в городах, обычно отказываются от своей национальности и называют себя узбеками. Так издавна повелось в Коканде, и можно без преувеличения сказать, что половину людей, именующих себя узбеками, скорее всего надо считать по национальности смесью упомянутых номадов»³. Особо примечательным является, в частности, то, что кыргызы в XIX веке перекочёвывали на зиму с горных пастбищ в Ферганскую долину и составляли тогда в современной Андижанской области Узбекистана порядка 60% населения. Летом они, соответственно, уходили в горы⁴. Более того, в летний период

¹ Радлов В. В. Средняя Зерафшанская долина // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 6. 1880 // URL: <http://rus-turk.livejournal.com/278815.html>

² Марков Е. Л. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. – СПб., 1901 // URL: <http://rus-turk.livejournal.com/360052.html>

³ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – М., 2003. – С. 172 // URL: <http://www.knyazev.org/biblio/travelCA.pdf>

⁴ «Синдром Узенгу Кууш» или как кыргызские пограничники «границу» дозволенного не могут перейти // URL: http://www.knews.kg/analitika/57623_sindrom_uzengu_kuush_ili_kak_kyirgyizskie_pogranichniki_granitsu_dozvolennogo_ne_mogut_pereyti/

часть кыргызов продолжала жить в среде оседлого населения, участвуя наравне с ним в политических процессах¹.

При анализе исторических архивных документов периода вхождения Ферганской долины в состав Российской империи можно сделать вывод о том, что приход европейской администрации не изменил тенденции к дальнейшему взаимосмешению народов Ферганы². Переселение русских в долину явилось фактором, консолидировавшим местное население. Подтверждением тому можно считать то, что восстания и выступления в Ферганской долине в этот период включали в число их участников смешанное сартское, узбекское, кыргызское, таджикское население³. Более того, единая власть в лице имперского руководства прекратила междоусобицы и войны между отдельными правителями, перевороты в Кокандском ханстве. Вплоть до крушения Советского Союза были исключены серьёзные конфликты.

Ситуацию в корне изменило установление советской власти. Для получения поддержки со стороны этнически нерусского населения большевиками был провозглашён лозунг самоопределения народов. Пример Азербайджана и Грузии, в которые пришлось вводить войска для присоединения этих территорий, породил необходимость привлечь на свою сторону национальные элиты путём создания союзных республик.

Историк Н. В. Тузов считает, что образование национальных республик было мерой вынужденной, направленной на обуздание сепаратистских настроений окраин: «Сроки и условия создания СССР и появления новой административной сетки во многом были обусловлены попытками национальных регионов страны образовать в течение 1917–1918 годов и позже свои национально-государственные образования. Именно эти процессы повлияли на принятие принципа федеративного устройства страны и идею союза формально равноправных республик. В Конституции СССР 1924 года содержалось сочетание

¹ Головина Ю. Д. На Памирах: Записки русской путешественницы. – М., 1902 // URL: <http://rus-turk.livejournal.com/105248.html>

² Марков Е. Л. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия...

³ Королев В. В. История киргизского мятежа 1916 года в описании семиреченского духовенства // URL: <http://rus-turk.livejournal.com/28443.html>

федеративных и конфедеративных принципов. Необходимо подчеркнуть, что национально-территориальный подход в целом содействовал сохранению и этнической консолидации народов СССР»¹.

При этом национально-территориальное размежевание 1924 года проводилось таким образом, чтобы если не исключить, то, по крайней мере, значительно затруднить выход новых республик из состава единого социалистического государства². Так, к Украине были присоединены значительные территории с этническим русским населением, к Казахстану – с русским, каракалпакским и узбекским населением, к Узбекистану – с таджикским и кыргызским, к Таджикистану – с кыргызским и узбекским, а также памирскими народами, к Кыргызстану – с узбекским населением. Определённые территории с этнически смешанным населением и вовсе «записывались» в одну из национальностей, становясь, таким образом, частью одной из союзных республик. Возникшие в этот период конфликты на этнической почве³ имели следствием появление миграционных процессов этнических групп в направлении «своих» республик.

Появившийся в 1917–1920 годах всплеск этнического самосознания народов был загнан в латентную стадию в 1930-х и последующих годах. Усилиями советского государственного аппарата постепенно удавалось создавать тип «советского человека», который в первую очередь идентифицировал себя с Советским Союзом, а не с каким бы то ни было народом. Однако сильное влияние традиций в Ферганской долине сохраняло этническую самоидентификацию как первоочередную, что обусловило возникновение межнациональных конфликтов в первую очередь в этом субрегионе. Распад СССР спровоцировал возврат к состоянию, предшествовавшему приходу Российской империи в регион,

¹ Тузов Н. В. Административно-управленческая ситуация в России в 10–20-х гг. XX века // Знание, понимание, умение. – 2007. – №1 // URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/1/Tuzov/>

² Там же.

³ Олимов М. В. В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Центральная Азия и Кавказ // URL: http://www.ca-c.org/datarus/st_13_olimov.shtml

произошёл рецидив этничности и миграционных процессов – вновь стали происходить столкновения на этнической почве, тем более что исчезла объединявшая ранее весь регион сила в лице русской, а позже и советской администрации. Также не восстановил свои позиции исламский фактор, который до революции 1917 года в значительной степени играл объединяющую роль для народов долины. На сегодняшний день основным фактором, сдерживающим межнациональную рознь, является легитимное применение силовых мер воздействия государственной властью в каждой из стран Центральной Азии в Ферганской долине.

Укреплению положительных аспектов проблем этничности и миграционных процессов в Ферганской долине в сфере межнациональных отношений и межреспубликанской миграции, на наш взгляд, будет способствовать завершение процессов делимитации границ центрально-азиатских стран. Позитивное конструктивное решение этого вопроса является важным фактором, способствующим снижению конфликтогенности в сфере межнациональных отношений, повышающим предсказуемость и регулируемость миграционных процессов. Важное место в этих процессах отводится достижению согласия и в другом, крайне болезненном для центрально-азиатских народов водном вопросе. Легитимность и транспарентность миграционных процессов укрепит усиление сотрудничества в сферах совместного противостояния международному терроризму и экстремизму, будет способствовать расширению взаимовыгодного экономического сотрудничества, укреплению межкультурных контактов. Повышение эффективности государственного аппарата и борьба с коррупцией, а следовательно, и улучшение благосостояния граждан, их правовой защищённости будет поддержано всеми этническими группами в каждом из государств региона и смягчит их претензии к государственной власти. Восстановление доверия среди широких слоёв населения к институту официального духовенства также является важным фактором, способствующим установлению гражданского мира и стабильности в сфере межэтнических отношений в Ферганской долине.

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
РАЦИОНАЛЬНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ В СФЕРЕ
УПРАВЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН
И ИХ ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
КЫРГЫЗСТАНА**

На протяжении многих веков история народов мира проходила под знаком развития их государственности и ее институтов. Несмотря на длительность этого процесса, на то, что, казалось бы, он должен был прийти к своему логическому завершению, в конце XX века институт государственности обрёл второе дыхание, стал актуальным в связи с возникновением многих новых государств, в том числе на территории бывшего СССР.

На постсоветском пространстве образовались независимые государства, в которых, однако, несмотря на наличие основных атрибутов государственности, процесс ее создания, соответствующий развитым демократиям, ещё далёк от завершения. Каждое из новых государственных образований должно пройти собственный путь развития для достижения декларированной их лидерами конечной цели – демократического правового государства. Современные реалии таковы, что они просто обязаны прилагать значительные усилия для того, чтобы пройти его с наименьшими издержками и в кратчайшие сроки.

Внимание руководителей и общественности новых независимых государств, в том числе и Кыргызстана, привлекают государства, добившиеся значительных успехов в своём развитии. Естественно, возникает вопрос: как реформаторам в этих странах удалось достичь целей, в реализации которых заинтересованы и суверенные государства, образовавшиеся на постсоветском

пространстве? Отсюда, естественным образом, возникала проблема ориентации новых независимых стран на мировой опыт развития государственности и ее институтов, изучение его применительно к новым условиям. При этом, помимо его заимствования элитой ННГ, реальностью стало активное внешнее воздействие на нее, преследующее цель создания в них режимов либеральной демократии.

Одним из недостатков такого заимствования, на наш взгляд, является бездумный перенос самых современных форм в среду, не готовую в полной мере для такого переноса. Часто искреннее желание западных демократий помочь странам переходного периода оказывается неуспешным из-за того, что западные эксперты стремятся перенести рационально функционирующие элементы своих обществ и стран, не учитывая истории их создания, а также игнорируя специфику развития новых независимых государств. Эти обстоятельства ускользали от их внимания, не учитывались ими, и в результате навязываемые рецепты оказывались неэффективными и зачастую неприменимыми к культуре, сложившейся в другом историческом времени. По сути дела, имела место недооценка системной сложности необходимых преобразований, степени сопротивления прошлого. В результате, это способствовало такой важнейшей специфической черте развития центрально-азиатских политических режимов, как их инверсия.

Речь в данном случае идёт о наличии среды готовности в форме создания рационального государства, являющейся важнейшим и обязательным фактором успешного развития и перехода к демократии всех без исключения постсоветских государств, в том числе и Кыргызстана. В демократических странах ее наличие подразумевается как бы само собой, хотя при этом часто забывается, что процесс ее создания занял немало времени и потребовал огромных усилий и труда не только правящей элиты, но и всего общества. В молодых же государствах на повестке дня стоит вопрос об обязательной необходимости ее создания как важнейшего фактора их успешного развития по демократическому пути. Ее отсутствие провоцирует их развитие по инверсионному пути. Мировой опыт свидетельствует о том,

что среда готовности, как правило, выполняет роль фундамента преобразований, и ее наличие явилось одной из коренных причин успешного развития демократии во многих странах мира. Среда готовности в законченном виде характеризовалась способностью к целерациональным действиям членов общества и приняла форму рационального правового государства. Подобные государства создавались первоначально в европейских странах в XVIII–XIX веках, а затем распространились по всему цивилизованному миру. Таковы были закономерности развития мировой истории. Огромную роль в их создании и функционировании сыграла рациональность эпохи Просвещения, которая как свойство социальной системы означала оптимальный способ интеграции индивидов вокруг общих ценностей в процессе их развития. По словам К. Ясперса, «это развитие связано с рационализацией деятельности: решения принимаются не инстинктивно или по склонности, а на основании знания и расчёта»¹. Люди XVIII века, констатировал один из крупнейших философов прошлого века А. Уайтхед, рационализировали социальные отношения современных им сообществ². Исследователи сходятся на том, что рационализация представляет собой результат соединения ряда исторических факторов, предопределивших направление развития Европы за последние 300–400 лет³.

Мы в данном конкретном случае употребляем это понятие в нормативном смысле, считая государство и его институты высшим типом развития, и в этом плане рациональным. То есть удовлетворяющим естественным требованиям разумности и представляющим его членам возможность целесообразно и сознательно управлять процессами развития и воспитания и постепенно формировать государственные институты согласно реальным потребностям людей. В современной западной литературе довольно подробно описывается процесс становления такого государства и его основных институтов. Оно, как правило,

¹ *Ясперс Карл.* Духовная ситуация времени: Человек и его ценности. Ч. 1. – М., 1988. – С. 67.

² *Уайтхед А.* Избранные работы по философии. – М., 1990. – С. 113.

³ *Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рациональность. – М., 1991. – С. 75.

соответствует определенному этапу развития европейских стран, которое в основном приходится на Новое время, характеризующееся рационализмом Просвещения. В последующем на его базе складывалось современное правовое государство и гражданское общество в странах Европы и США как государство разумного порядка и справедливости, защиты граждан через закон, в нем власть подчиняется закону и обеспечивает интересы общества в целом. Уже более двухсот лет тому назад английский просветитель Уоллес, оценивая правовую ситуацию в стране, констатировал: «...Британцы свободны под защитой закона»¹.

При этом в процессе формирования рационального государства исключительно важную роль играет управление. Его необходимость «как особой, “выделенной” профессиональной деятельности, включающей в качестве основных моментов как целепостановку, так и собственно принятие и осуществление управленческих решений, является предпосылкой выживания для любой социальной системы; существование управления обусловлено абсолютной потребностью общества в организации»².

Подобные представления о сфере управления в рационально управляемом государстве сложились в современной западной литературе, идущей зачастую по стопам М. Вебера. По Веберу же, рациональным является государство, в котором управление осуществляется с помощью профессиональной бюрократии и рационального права, олицетворяющих систему рационально работающих учреждений, в которой каждый элемент работает максимально эффективно³. Современные западные политологи и социологи считают одним из условий успешного функционирования такого государства наличие бюрократической системы, находящейся на равном удалении от различных групп интересов. А также рациональное функционирование движущей силы этой системы в лице профессиональной бюрократии⁴. С их точки

¹ Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. – М., 2002. – С. 65.

² Авдеева Ю. Н. Феномен бюрократии в современной социальной системе – М., 1999. – С. 18.

³ Вебер М. Избранное. Образ общества. – М., 1994. – С. 171.

⁴ Weiss Linda. The Myth of Powerless State. – New York: Cornell University Press, 1998. – P. 37.

зрения, именно формирование в европейских странах бюрократической системы вообще и класса профессиональной бюрократии, в частности, стало, по сути дела, мотором и движущей силой значительной части демократических преобразований и обязательным элементом среды готовности. Так, формирование последней заняло XVIII и первую половину XIX веков и было вызвано потребностью в эффективном государственном управлении. Институциональным его воплощением и стал административный аппарат современного типа, заполнившийся рациональной бюрократией¹. По Максуду Веберу, современная рациональная бюрократизация получила наибольшее развитие в институтах современного государства и политических партиях². Именно посредством этих институтов западной рациональной государственности осуществляется демократический процесс во всех сферах деятельности нынешних европейских стран.

Знакомство с опытом создания слоя профессиональных чиновников европейских стран, обеспечивших высокую эффективность функционирования органов государственного управления, является особенно важной задачей для тяжело больной системы управления Кыргызстана.

Огромную роль в формировании рационального государства и, в том числе, профессионального слоя управленцев в европейских странах сыграла эпоха Просвещения. Недаром западные исследователи приходят к выводу, что «каждый должен согласиться с фактом, что современное буржуазное общество – это образцовое общество Просвещения в современном мире: единственное общество, в котором права человека, правление закона, гражданские свободы и демократические институты до известной степени установились надёжно»³.

Если XVIII век стал временем рационализма Просвещения, то, по словам А. Уайтхеда, «полное осознание силы профессионализма и путей подготовки профессионалов, а также реализации

¹ Политические исследования. – М., 2001. – № 3. – С. 107.

² Авдеева Ю. Н. Феномен бюрократии в современной социальной системе. – М., 1999. – С. 72.

³ Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. – М., 2002. – С. 202.

этих моментов представляли собой достижения XIX века, и среди других стран первое место в данной области принадлежало Германии»¹. М. Вебер отмечал необходимость формирования и поддержки слоя чиновничества – бюрократии рационального типа как «высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и мещанства, а это ставило бы под угрозу эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства постоянно усиливается и будет усиливаться впредь»². Он был убеждён, что управлять должны люди профессионально подготовленные, имеющие специальное образование, поскольку от них требуется компетентность.

Попытаемся проследить соответствующий опыт воспитания профессиональной бюрократии по нескольким направлениям. Хотим обратить внимание читателя на невозможность в рамках небольшой статьи выполнить анализ ее развития в отдельных государствах Европы, поэтому он будет носить обобщённый общеевропейский характер.

Прежде всего, в европейских странах важное значение всегда отводилось достаточно высокому материальному обеспечению служащих, и выполнение этого принципа было весомым фактором формирования слоя профессионального чиновничества и противостояния коррупции. Там же, где этот принцип по каким-то причинам не всегда выдерживался, он приводил к негативным последствиям. Бальзак, изучавший в своё время проблему французской бюрократии, в связи с этим отмечал: «...Доведённый до презрения к правительству, лишавшему его жалования и значения, чиновник стал относиться к нему как куртизанка к старому любовнику: по деньгам и услуги»³. В целом же, важным принципом управленческой бюрократии, по Веберу,

¹ Уайтхед А. Избранные работы по философии... – С. 157.

² Акашин Г. К., Кравченко С. А., Лозанский Э. Д. Социология политики. – М., 2001. – С. 75.

³ Бальзак Оноре де. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. – М., 1947. – С. 382.

реализованным на практике в европейских странах, стало отделение чиновника от собственности на средства производства и получение средств на содержание от организации. В Кыргызстане же этот веберовский принцип выполняется с точностью до наоборот.

Огромное внимание в процессе формирования управленческого слоя уделялось его воспитанию, целенаправленной выработке качеств – знаний, умений и навыков, превращавших этот слой в профессиональную бюрократию. Среди них, в первую очередь, у чиновников всех рангов воспитывалось послушание и порядок. «Порядок, – писал З. Фрейд, – это своего рода принудительность повторения. Будучи раз установленным, он определяет – что, когда и как должно быть сделано»¹. Во многих европейских странах были разработаны и широко внедрялись специальные программы, направленные на укоренение порядка среди государственных служащих. Уделялось большое внимание выработке, без унижения человеческого достоинства, дисциплины и послушания. В качестве укоренившейся национальной черты ее отмечал Генрих Бёльль: «Я охарактеризовал послушание и подчинение как единственную социальную реальность, усвоенную немцами за их прошедшую историю. Проще сказать, немцы повинуются с такой же охотой, с какой требуют повиновения»². Сознательное, целеустремлённое воспитание послушания и порядка следует считать важными принципами формирования слоя европейской рациональной бюрократии.

В европейском чиновничестве сознательно вырабатывались этические нормы поведения, среди которых одно из первых мест отводилось честности. В основе этики и морали служащих лежали религиозные мотивы, с доминированием евангельских заповедей, и в первую очередь заповеди «не укради». Именно христианская этика сохраняет всю важность для понимания соответствующего типа рационализма, которым руководствовались профессиональные служащие³. Высоко ценились мораль-

¹ Фрейд Зигмунд. Мир философии. Ч. 2. – М., 1991. – С. 287.

² Самосознание европейской культуры 20 века. – М., 1991. – С. 306.

³ Rationalismus der Weltbeherrschung Studienuber Max Weber. – Frankfurt, 1980. – P. 30.

ные качества чиновников. Итальянский просветитель Муратори, например, особо оговаривал, что их обязательными качествами должны быть «честность и совесть», без которых стоящие у власти могут использовать своё положение в корыстных целях, во вред обществу¹.

Большое внимание уделялось обеспечению сравнительно высокого уровня грамотности чиновничества в целом и в первую очередь его элитарной части, что также являлось важнейшим условием воспитания рациональной бюрократии. Бюрократическое управление, по словам Макса Вебера, означает господство посредством знания, и в этом состоит его специфически-рациональный характер². В Европе каждая страна создала свою систему гражданской службы и подготовки к ней бюрократической элиты страны³. Франция готовила будущих служащих в столице, бюрократическом центре страны, и пропускала их через систему открытых конкурсов с упором на математику. Германия обучала будущих чиновников в университетских городах и выбирала специалистов из числа изучавших право. Именно они доминировали впоследствии в аппарате правительства. Англия обучала элиту гуманитарным наукам в интернатах и сельской местности, ибо там имела опору аристократия⁴.

Кроме общей грамотности чиновничества предпринимались специальные меры в рамках обеспечения понимания последним конкретных реформ и решений, которые собиралось проводить в жизнь правительство. Это было особенно необходимо с учётом того, что значительные перемены стратегического характера бывали крайне сложны, а оптимальные пути их осуществления не очевидны. Те страны Европы имели успехи в преобразованиях и реформах, в которых власть создавала обстановку гласности, не боялась открытых дискуссий, в которых зачастую решались вопросы путей их развития⁵. Свободная

¹ Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. – М., 2002. – С. 202.

² *Weber M.* *Wirtschaft und Gesellschaft.* – Koln-Berlin, 1964. – P. 105.

³ *Armstrong John A.* *The European Administrative Elite.* – Prenston, 1973. – P. 123.

⁴ Там же. – С. 125.

⁵ *Wuthnow Robert.* *Communities of Discourse: ideology and sozial*

дискуссия среди людей, управляющих страной, помогала им, с одной стороны, выяснить наилучшие пути их достижения, а с другой, гласным обсуждением гарантировала свободное понимание чиновничеством будущих мер, или, по крайней мере, привыкания их к возможным процедурам нововведений. Это означало, что карьера чиновников имела правовую защищённость и ее можно считать важным принципом, присущим рациональной бюрократии. Деловое конструктивное возражение считалось само собой разумеющимся среди разумных партнёров всех рангов. Такой тон свободного, но практичного решения задавали сами руководители сверху. Этот стиль соответствовал популярной философии Просвещения. Карьера строилась на безупречной работе с ясно очерченными процедурами, а не на установке высокопоставленного лица. Само решение о налаживании такого стиля гражданской службы бюрократического аппарата является в высшей степени стратегическим, оно формирует в государстве высокую управленческую культуру на долгие времена. Л. Вайс писала: «...Если такой государственный аппарат пронизан этикой служения, гордится тем, что представляет не частный, а общественный интерес, то он может быть инициатором и координатором больших стратегических программ развития»¹. Таковы, по ее мнению, японская или немецкая государственные системы. Более конкретная характеристика последней звучит следующим образом: «...немецкая бюрократия, чьи психологические характеристики можно считать производными от особенностей национального характера (таких как точность, приверженность к порядку, организованность, дисциплина, педантизм и аккуратность), всегда считалась гордостью нации, своего рода местной достопримечательностью»².

Назовём в заключение некоторые принципы, широко применявшиеся в европейских странах в процессе формирования

structure in the reformation, the Enlightenment and European Sozialism. – Harward University Press, 1989. – P. 185.

¹ Weiss Linda. The Myth of Poweriess State. – New York: Cornell university Press, 1998. – P. 37.

² Пищулин Н. П., Хаванов Н. И. Германия: кто есть кто в государственной службе. – М., 1993. – С. 18.

рационального государства, рационально-бюрократической трансформации его институтов, и в первую очередь класса профессиональных управленцев:

- сознательный выбор профессии в сфере управления;
- государственное мышление;
- способность принимать индивидуальные решения, противоречащая перекалыванию ответственности на других;
- личная ответственность за принятые решения;
- умение видеть целое;
- понимание исполняемого на всех уровнях управления;
- интеллигентность;
- государственный служащий должен обладать чертами интеллигентности и причислять себя к числу интеллигентов;
- опора на моральные и этические принципы;
- неприятие коррупционных методов работы.

Многие ценности бюрократической, в позитивном смысле этого слова, государственности, ставшие достоянием мировой цивилизации, первоначально зародились в Европе. Там они прошли «обкатку», доказали свою эффективность и общую значимость. В конце концов, по словам А. Шлезингера, «Европа – это уникальный источник идей индивидуальной свободы, политической демократии, господства закона, прав человека и культурной свободы. Эти идеи являются европейскими идеями, а не азиатскими, африканскими, ближневосточными идеями»¹.

Таким образом, вниманию читателей предложены некоторые, далеко не полные, стороны формирования слоя управленцев, сложившегося в рамках рационального государства, основные процессы становления которого в большинстве европейских стран завершились к середине XIX века. При этом важно учитывать то обстоятельство, что оно ещё могло и не быть государством демократическим. В нём на первом плане стояли вопросы соблюдения закона, дисциплины, порядка, воспитания законопослушных граждан, их реальной правовой защищённости. Опыт стран Европы однозначно свидетельствует о процессе сознательного перевода общества из одного состояния в другое,

¹ *Schlesinger A. The Disunity of America. – New York, 1992. – С. 127.*

желаемое, осуществлённого на основе рациональных действий и реализации стратегических программ развития. Можно называть процесс перевода переходом либо как-нибудь иначе, однако это не меняет сути дела – государство в Европе развивалось не спонтанно, не автоматически, а сознательно переводилось в желаемое состояние.

Возврат к проблеме рационально-бюрократической трансформации и формирования класса управленцев может создать иллюзию запоздалости или даже ненужности знакомства с опытом развития государственности в рациональное, поскольку мы живём в XXI веке, особенно с учётом того, что на Западе его зачастую воспринимают как само собой разумеющееся. Однако рациональное государство с его принципами рационального управления продолжает играть важную роль и сейчас, а для многих стран мира остаётся недостижимой целью. Для стран же переходного периода эта задача является особенно актуальной, так как многое из того, что они заимствовали и внедрили в условиях отсутствия среды готовности, достаточного опыта рационального действия, часто приживается в уродливых формах, сохраняя форму, но не имея соответствующего содержания.

В этом отношении особенно показателен пример постсоветских стран, в том числе и стран Центральной Азии, познавших азы рациональности и функционирования бюрократии в период пребывания в составе Российской империи и СССР. В принципе, российская бюрократия развивалась, по сути дела, повторяя основные этапы развития западноевропейской бюрократии, не сумев добиться, однако, такого же высокого ее уровня, как в странах Европы. Макс Вебер считал, что даже после всех преобразований, проводившихся начиная с Петра Первого и последующих императоров, государственный строй России продолжал носить патримониальный характер. Как и прежде, только государственная служба оставалась единственным источником политической власти, позволявшей пополнять личные материальные ресурсы и строившейся на системе личных и родственных связей¹. Российское чиновничество отличалось низким образовательным

¹ Авдеева Ю. Н. Феномен бюрократии в современной социальной системе. – М., 1999. – С. 55.

уровнем, высоким уровнем взяточничества и повсеместным распространением бюрократизма в самом худшем смысле этого слова. Ф. М. Достоевский писал об этих чертах русской бюрократии следующее: «Всякий знает, что такое русский чиновник. Это нечто сердитое и раздраженное, высокомерное и гордое <...> Особенно это наблюдается в самой мелкой букашке вот из тех, которые сидят и дают публике справки, принимают от вас деньги и выдают билеты и проч. Публика толпится, составил хвост <...> Вы добились, наконец, вашей очереди, вы стоите, вы говорите – он вас не слушает, он не глядит на вас. И вдруг бьют часы, и присутствие закрывается – убирайся публика»¹.

Специфика развития общества в СССР заключалась в том, что, свернув со столбовой дороги общечеловеческого развития, оно лишило народы, входившие в его состав, возможности пройти ее и в результате не достигло в своём политическом развитии европейского уровня даже XVIII–XIX веков. Многие российские учёные объективным недостатком исторического развития России считают то, что российское общество не испытало таких фундаментальных духовно-интеллектуальных переворотов типа Ренессанса, Реформации, Просвещения, заложивших основы рационалистических форм хозяйственной деятельности и современной системы политического представительства. Это существенно затормозило и развитие народов, входивших в состав СССР. Во все времена российская, а затем и советская власть, в большей или меньшей степени обретала характер авторитарности и деструктивности и характеризовалась отсутствием рационально функционирующих институтов. Российские политологи в связи с этим писали: «...Просто бессмысленно было ждать от Сталина или Брежнева или их окружения начать мыслить рациональными категориями, следовать формальному праву, хотя и были приняты самые демократические Конституции»². Они констатируют, что с распадом СССР было уничтожено авторитарно-централизованное государство, покончено со всевластием чиновников-коммунистов. Было сделано и многое другое, кроме

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Полн. собр. соч. Т. 23. – М., 1981. – С. 75.

² Акашин Г. К. и др. Социология политики... – С. 57.

одного – никто враз не смог сделать россиян прагматиками-рационалистами. По их мнению, в России лишь сейчас, постепенно начала намечаться тенденция к целерациональным действиям¹.

В свете вышеизложенного не требует доказательства тезис о том, что система государственного управления Кыргызской Республики сложилась и функционирует на базе наследства, доставшегося ей от Российской империи и СССР со всеми их функциональными недостатками. Кроме этого «наследства», доставшегося от прошлого, ее деятельность осуществлялась на фоне бурного развития в Кыргызстане демократических процессов. При этом в Конституции Кыргызстана, в статье 1, как уже свершившийся факт, декларировалось, что «Кыргызская Республика (Кыргызстан) является суверенным, демократическим, правовым, светским, унитарным, социальным государством»². А президент республики А. Атамбаев отметил, что «мы строим светское демократическое государство»³. Безусловно, опыт Кыргызстана уникален, потому что эта маленькая страна, лишенная быстро конвертируемых природных ресурсов – нефти и газа, которые в других странах являются главным ресурсом тоталитаризма или авторитаризма, пытается найти свой путь к национальной идентичности и государственному суверенитету через выстраивание демократических процессов. Кыргызский характер – гордый и независимый – сумел, в итоге, доказать свое право на существование в политической жизни, создав худо-бедно систему разделения власти⁴.

В целом, опыт первых десятилетий трансформации показал, что переход к демократии в Кыргызстане в кратчайшие сроки оказался нереальным. Для успешного демократического развития необходимы определённые условия, наличие среды готовности, переход к рациональному государству, создание которых потребует значительных усилий и значительного времени.

¹ Акашин Г. К. и др. Социология политики... – С. 64.

² Конституция Кыргызской Республики. – Бишкек, 2010.

³ Атамбаев А. Мы строим страну свободных людей // URL: [http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k28 view](http://www.vesti.kg/index.php?option=com_k28_view)

⁴ Дубнов А. Кыргызстану реально трудно сохранить свою независимость (9.04.2015) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1428585600>

В связи с этими обстоятельствами следует отметить появление на постсоветском пространстве нового типа государств, особенность развития которых заключается в том, что они, не пройдя сложного и длительного процесса рационально-бюрократической модернизации, вступили непосредственно в процесс демократизации общества. К их числу относится и Кыргызстан, в котором процессы демократизации способствовали созданию во времена А. Акаева самого либерального в Центральной Азии политического режима, предшествовали рационально-бюрократической трансформации, что привело к появлению особого типа государственности. Он характеризуется слабостью институтов, их конгруэнтностью, отсутствием рационально-легальных отношений. В результате, слабость институционализации власти в стране сделала ее очень неустойчивой. В политической системе Кыргызстана на данный момент сложилась другая, противоположная рациональной, относительно устойчивая система, способствующая инерционному характеру развития, обладающая сравнительно большим потенциалом стагнации. В целом, ключевую роль в функционировании политической системы постсоветского Кыргызстана играют не рационально-легальные отношения в рамках процесса взаимодействия ее различных элементов, а клиентарно-патронажные связи. Особенно наглядно это обстоятельство проявляется в системе управления в Кыргызстане, не прошедшей этапа рационально-бюрократической трансформации. В результате, по международным оценкам, в частности по сведениям Всемирного банка по индексу GRICS, Кыргызстан систематически входит в список стран с наихудшими показателями государственного управления¹.

Известный политолог В. Богатырёв констатирует, что «в Кыргызстане происходит реальный кризис управления исполнительной власти. Она крайне затратна, она плохо предоставляет услуги населению, и она не способна работать в чрезвычайных ситуациях»². Эксперты известного аналитического центра МИСИ

¹ Михайлов Г. Прогнившее госуправление. Киргизские чиновники проедают весь бюджет (26.05.2011) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1306362060>

² Богатырёв В. В Кыргызстане не экономический и не политический

«Vector» обращают внимание на то, что в Кыргызстане «нынешние политики просто не умеют и не способны заниматься государственным строительством и государственным управлением, особенно в сфере стратегического менеджмента»¹. С точки зрения того же В. Богатырёва, в стране «полностью утеряна логика построения системы государственного управления. Она заменена политикой делёжки ресурсов между кланами»². Более того, по его мнению, «эффективная система государственного управления не только не запущена, но даже и не спроектирована»³. Таким образом, процесса рациональной бюрократизации, процесса становления класса рационально действующих чиновников в Кыргызстане не было, что привело ко многим отрицательным последствиям. В частности, отсутствие класса рационально мыслящих и рационально действующих во всех ветвях власти, серьёзные сбои в работе системы управления во многом способствовали революциям 2005 и 2010 годов.

Давая им оценку, президент Кыргызстана А. Атамбаев назвал режим Акаева «семейно-клановым режимом, который за 15 лет не только допустил разрушение экономики и обнищание народа, но и фактически поощрял разграбление национальных богатств страны, в особенности членами своей семьи»⁴. Однако семья второго правителя, по его словам, оказалась ещё более коррумпированной. Его сыновья и братья не только вошли в непосредственное управление страной, но и задействовали

кризис, а реальный кризис управления исполнительной системы (21.12.2012) // URL: <http://www.kg.akipress.org/news:566671>

¹ МИСИ Vector: Кыргызстан – основные факторы экономической и социальной идентификации (6.10.2010) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1286308920>

² Богатырёв В. Нужен приход принципиально иной управленческой группы, которая займётся не делёжкой страны, а выходом из кризиса (4.04.2011) // URL: <http://www.bpc.kg/news/13148-04-04-011>

³ Богатырёв В. Сегодня не существует проекта усиления, который так необходим президенту (18.05.2012) // URL: <http://www.ipp.kg/ru/news/2365/>

⁴ Семья второго правителя оказалась ещё более коррумпированной. Обращение президента А. Атамбаева народу в связи с 10-й годовщиной революции 24 марта 2005 года (24.03.2015) // URL: <http://www/newsA.php?st=1427184000>

в этом криминал. Мы помним, какую чудовищную систему они создали. Как власть срослась с криминалом»¹. Понятно, что подобные президентские режимы далеки от действующих легально-рационально и что в случае функционирования в Кыргызстане рационального государства подобные революции в стране были бы просто невозможны.

Формированию среды готовности препятствует и отсутствие рационально-бюрократических, так называемых легально-рациональных, отношений не только в исполнительной, но и в других ветвях власти. В рамках небольшой по объёму статьи не представляется возможным дать глубокий их анализ, поэтому ограничимся краткой характеристикой происходящих в них процессов, тормозящих процесс создания рационального государства. Как мы уже отмечали выше, в западных странах рационально-легальная бюрократизация получила наибольшее распространение в партиях и парламентских учреждениях. Как же обстоит дело с этими процессами в Кыргызстане?

Говоря о партиях и их роли в жизни страны, отсылаем читателя к их оценке известным политологом В. Богатырёвым. Он приходит к следующему выводу: «Мне уже не раз приходилось констатировать, что те политические образования, которые сейчас существуют, являются на самом деле квазипартиями, поскольку не обладают рядом существенных характеристик и прежде всего идеологическими идентичностями, социальной базой, целевыми определёнными, хоть какой-либо политической линией. Мы пришли к тому, что в стране нет устойчивой партийной системы, партии не пользуются поддержкой электорально достаточной части населения. Строго говоря, мы не можем обсуждать вопрос о детских болезнях партий, поскольку нет самого ребёнка»². По его мнению, подводя итоги партийного строительства, в частности, за 2012 год, следует отметить, что «уходящий год хорошо показал, что искусственная партизация всей страны не имеет ничего общего с демократией. И представляет

¹ Семья второго правителя оказалась ещё более коррумпированной...

² *Богатырёв В.* Мы не можем обсуждать вопрос о детских болезнях партий, поскольку нет самого ребёнка (10.04.2013) // URL: <http://www.ipp.kg/ru/news/2585/>

из себя ни что иное, что делалось и при Акаеве, и при Бакиеве. Партии являются не инструментом продвижения интересов социальных групп, а механизмом распределения ресурсов. Раньше был один механизм – семья, сейчас другой механизм – партии. Ещё одним итогом политического года является полная дискредитация квазипартийной системы, которая у нас сложилась»¹. «Если посмотреть на программы партий, – пишет он, – то взгляду предстоит достаточно безрадостная картина. В них отсутствует картина будущего страны, нет видения путей ее развития на перспективу»². Нельзя не сказать о том, что картина развития партий и по настоящее время не претерпела серьёзных изменений и сдвигов. Таким образом, нынешнее состояние партий лишний раз служит подтверждением того, что они совершенно не вписываются в структуру рационального государства, не прошли этапа бюрократической трансформации и служат серьёзным тормозом в процессе перехода Кыргызстана к подлинно демократическим стандартам.

Не отвечает принципам рациональной бюрократии и работа кыргызского парламента – Жогорку Кенеша. «Сегодня, – считает В. Богатырёв, – реальный статус Жогорку Кенеша практически полностью расходится с конституционным. В нём собрана лишь часть и далеко не самая лучшая часть кыргызской политической элиты. Он никак не представляет интересы населения. Там даже речь не идёт о стратегии. Ни спикер, ни совет коалиционного большинства, ни фракции и комитеты не порождают и не обеспечивают того, что называется парламентской политикой»³. По словам российского политолога А. Грозина, «120 “микропрезидентов” реализуют личные, семейные, партийные, клановые, региональные интересы в силу полной бесконтрольности, интеллектуальной слабости и атрофированного чувства государственности»⁴.

¹ *Богатырёв В.* В Кыргызстане не экономический и не политический кризис...

² *Богатырёв В.* Какой должна быть национальная система принятия решений (3.11.2010) // URL: [ht://www.bpc.kg/admin/editor/files/Vogatyrev%20nev_3doc](http://www.bpc.kg/admin/editor/files/Vogatyrev%20nev_3doc)

³ Парламентская реформа в Кыргызстане провалилась // URL: <http://www.iarex.ru/news/32420.html>

⁴ Эксперт считает, что за Кыргызстаном закрепляется имидж второго

«Сидящие в стенах парламента депутаты, – пишет он, – по большей части отражают очень узкие местечковые интересы. Они могут сколько угодно говорить “Киргизия” и понимать под этим лишь свой клан»¹.

Во многом ответственность за ситуацию, сложившуюся во всех ветвях власти, в том числе и в системе управления, несёт элита страны. Аналитик А. Мусабаева характеризует ее следующим образом: «Современная политическая элита Кыргызстана характеризуется отсутствием стратегического мышления, присутствием культа денег и материального богатства, отсутствием понимания общего блага и своей ответственности за его достижение»². Другой аналитик отмечает: «Главная проблема Киргизии – это отсутствие политической зрелости ее элиты, отсутствие у элиты ответственности за судьбу страны»³. Во всяком случае, можно лишь констатировать, что отсутствие в Кыргызстане элиты, прошедшей в своём развитии этап рационально-бюрократической трансформации, лишает народ Кыргызстана подлинно демократического выбора.

Таким образом, процесс рационально-бюрократической трансформации, затрагивающий все ветви власти и завершающийся переходом к рациональному государству, является совершенно необходимым для развития демократических институтов Кыргызстана.

Сомали (10.10.2013) // URL: <http://www.news.mail.ru/inworld/kyrgyzstan/politics/15129401/?frommail=1>

¹ Грозин А. Киргизия сегодня ходит по миру с протянутой рукой (6.04.2011) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1302091500>

² Михайлов Г. Прогнившее госуправление. Киргизские чиновники проедают весь бюджет (26.05.2011) // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1306362060>

³ Грозин А. Главная проблема – это отсутствие политической зрелости элиты (5.10.2010) // URL: <http://www.bpc.kg/perspective/forprint/174>

Мураталиева З. Т.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ СИЛЫ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

В условиях геополитической размытости региона, отсутствия региональной идентичности и неуспеха внутри региональных интеграционных проектов, внешнее вмешательство играет особо важную роль. С одной стороны, расширению его масштабов способствует многовекторная внешняя политика центрально-азиатских стран, которые в крайней степени заинтересованы в привлечении в регион внешних акторов. Их интерес связан с использованием материальных, финансовых, политических и прочих ресурсов последних, для решения насущных задач собственного развития. Внешние же глобальные акторы, в силу своих геостратегических и геополитических интересов, усиливают присутствие в странах Центральной Азии. В итоге, подобное вмешательство имеет своим следствием соперничество различных геополитических центров силы в регионе.

При этом внешние воздействия оказывают негативное влияние на ситуацию, перенося в регион противоречия мировой политики. Внешние воздействия характеризуются также стремлением закрепить позиции в отдельных государствах Центральной Азии и в целом в регионе через навязывание собственных проектов, собственных моделей развития, что порождает конкуренцию и борьбу между ними. В результате, «борьба проектов идёт в нескольких уровнях и в разных социальных пространствах (политическом, экономическом, социокультурном, идеологическом и т. д.), что делает очень неустойчивой ситуацию на центрально-азиатской площадке и является источником нестабильности и конфликтов»¹.

¹ *Богатырёв В.* Развитие политической ситуации в Центральной Азии: проекты и сценарии // URL: <http://ipp.kg/ru/print/873/>

Всё это приводит к тому, что зачастую неопределённостью и нестабильностью, характерной для государств Центральной Азии, отличается и политика внешних акторов в регионе. В этом свете верным, на наш взгляд, является вывод о том, что «внутренне противоречивая (неопределённая) международно-региональная структура вызывает серьёзную нестабильность в Центральной Азии и поэтому негативно сказывается на политиках всех вовлечённых в регион ключевых глобальных игроков»¹.

Центральная Азия – регион нарастающей геополитической важности. Являясь буферной зоной или, в терминологии англосаксонской школы геополитики, пограничной зоной Суши и Моря – Римленда, она представляет собой территорию, контроль над которой обеспечит плацдарм для закрепления в Евразии любому внешнему актору, в первую очередь США, КНР и РФ, которые занимают лидирующие позиции в схеме регионального расклада сил. Однако отношения в рамках этого геополитического треугольника сложны и многоплановы, особенно в отношении Центральной Азии, ввиду того что регион непосредственно граничит с Китаем и Россией, и какие-либо агрессивные действия любого из внешних акторов приведут к активизации остальных. Поэтому и санкции США в отношении Узбекистана после Андижанских событий не носили такого жесткого характера, как, например, в случае с Ираном. Кроме того, регион богат углеводородным сырьем, что вкупе с транзитным географическим положением определяет особые геостратегические тактики внешних игроков, сосредоточенные вокруг интеграционных инициатив и проектов строительства трансконтинентальных магистралей.

На этом фоне в отношениях между непосредственными соседями стран региона – России и Китая априори заложен конфликтогенный потенциал, но он носит латентный характер по двум причинам:

– различные тактики вовлечения стран Центральной Азии в зону своих интересов, которые предполагают различные приоритетные сферы воздействия;

¹ Казанцев А. А. Взаимосвязь глобальных и региональных политических процессов (на примере Центральной Азии): Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2011.

– наличие общего противника в лице США¹.

Метафорично европейские эксперты называют Россию «солдатом поневоле», а Китай – «молчаливым торговцем»². В контексте противостояния Соединенным Штатам в данных метафорах прослеживается аналогичное для США и ЕС разделение зон влияния. Находясь по разные стороны баррикад, США и Россия являются сторонниками «жесткой силы», ЕС и КНР – апологеты инструментов «мягкой силы».

С момента распада СССР Китай стал наращивать двустороннее экономическое сотрудничество со странами региона и уже к 2006 году превратился в третьего торгового партнера центрально-азиатских стран после России и ЕСЗ. При этом экономическая плоскость была той нишей, которую еще не освоили в тот период ни США, ни РФ. Последняя проводила прозападный внешнеполитический курс и фактически прекратила все экономические отношения со странами региона⁴. Предлагаемые США проекты либерализации экономик центрально-азиатских стран привели лишь затяжному кризису при реструктурировании или полном разрушении большей части промышленных предприятий советского периода и жесткой зависимости от внешней помощи в свете отсутствия равнозначного российскому вектору торгового потенциала. Кроме того, в начале 1990-х годов резко обострились внутрорегиональные отношения между республиками, что на фоне экономических систем, являвшихся структурными элементами советской экономики, в основе которой лежал принцип перераспределения ресурсов, товаров и дотаций,

¹ Польский эксперт: В Центральной Азии РФ и Китай нашли общий язык (4 июля 2013) // URL: <http://gorchakovfund.ru/open-diplomacy/polskiy-ekspert-v-tsentralnoy-azii-rf-i-kitay-nashli-obshchiy-yazyk/>

² *Peyrouse S., Boonstra J., Laruelle M.* Security and Development Approaches to Central Asia. The EU Compared to China and Russia (май 2012) // URL: www.eucentralasia.eu

³ Реакция замещения. Китай становится новым «большим братом» для государств Центральной Азии (9 дек. 2012) // URL: http://3mv.ru/publ/reakcija_zameshhenija_kitaj_stanovitsja_novym_bolshim_bratom_dlja_gosudarstv_tsentralnoj_azii/3-1-0-13310

⁴ *Парамонов В., Строчков А.* Россия и Китай: центровые Центральной Азии (23 марта 2011) // URL: <http://vpk-news.ru/articles/7355>

привело к необходимости поиска внешнеторгового партнера – поставщика готовой продукции.

В свою очередь, Китай через установление торговых связей со странами региона решает несколько задач, которые условно можно разбить на три категории: в сфере экономики, в сфере безопасности, в сфере геополитических интересов. В сфере экономики КНР обеспечивает рынок сбыта своим товарам и расширяет географию импортных потоков энергоресурсов, что является жизненно важным для ее динамичного развития. Расширение ареала последних во многом диктуется процессом нарастания энергетической зависимости от рынка углеводородов, которая, по оценкам экспертов, к 2025 году достигнет 65%¹. Подобная ситуация, по сути, соответствует основным усилиям КНР, направленным на расширение доступа к сухопутным центрально-азиатским энергомаршрутам, которые во многом ослабят зависимость Поднебесной от морских поставок². В сфере безопасности Китая приоритетной задачей является недопущение внешней поддержки сепаратистского движения в СУАР, геополитические же устремления КНР нацелены на противостояние США и обеспечение себе надежного плацдарма на западных границах.

США, действуя в русле своей геополитической стратегии «петли анаконды», дестабилизируют внутривосточную ситуацию в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, поставки нефти из которых составляют 56% и 27% соответственно в структуре импорта углеводородов Китая и сужают сырьевую базу экономики Поднебесной. Кроме того, официальный Вашингтон объявил о новой инициативе Транстихоокеанского партнерства, предполагающей создание зоны свободной торговли в АТР. Следовательно, под угрозу ставятся и поставки нефти в Китай из этого региона (Индонезии). В итоге, представляется, что Пекин будет только форсировать динамику развития экономических отношений со странами Центральной Азии.

¹ Реакция замещения. Китай становится новым «большим братом» для государств Центральной Азии...

² *Малышева Д. Б.* Геополитические маневры на Каспии // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2006. – № 5.

Такое развитие событий может привести как к усилению сотрудничества между Россией и КНР, так и эскалации их соперничества в регионе. Внешне, в свете охлаждения в 2012–2013 годах российско-американских отношений. Пекин и Москва демонстрируют наращивание потенциала сотрудничества. В частности, свой первый зарубежный визит в качестве председателя КНР Си Цзиньпин совершил в Москву, недавно прошли совместные российско-китайские военные учения на Дальнем Востоке, что вызвало внешне негативную реакцию США¹. Процесс экономического и военно-политического сотрудничества между Китаем и Россией существенно углубился после введения западных экономических санкций против последней.

Однако вполне вероятно, что США намеренно создают условия для усиления влияния Китая в Центральной Азии, поскольку это не может не задевать интересы России. А при столкновении двух гигантов победителем может стать арбитр и сценарист этого столкновения – США. Так, в рамках ШОС отчетливо заметны определенные расхождения между Пекином и Москвой. Последняя настаивает на усилении военного потенциала организации (инициатива создания на базе РАТС центра по противодействию угрозам безопасности стран-участниц ШОС). Она пытается сдерживать интенсификацию экономического сотрудничества в рамках ШОС (инициативы КНР создания зоны свободной торговли, специального счета и банка ШОС), в котором КНР будет главным инвестором и торговым партнером центрально-азиатских стран, что усилит ее авторитет как на уровне организации, так и в рамках двусторонних отношений, которым Пекин уделяет особое внимание. Значительные финансовые ресурсы позволяют Китаю выстраивать торгово-инвестиционные связи со странами региона на двусторонней основе без жестких гарантий и обязательств, что выгодно отличает его как от США, так и от России. Кроме того, КНР, являющаяся одним из основных торговых партнеров ЕС, активно участвует в проектах программы Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества

¹ Страны Центральной Азии в центре системных противоречий ШОС (7 мая 2013) // URL: <http://maxala.org/politika/14166-strany-centralnoy-azii-v-centre-sistemnyh-protivorechiy-shos.html>

(CAREC), нацеленных на создание сухопутных торговых путей между Юго-Восточной Азией и Европой в обход РФ. Оно позволяет Пекину решить комплекс задач, связанных с Центральной Азией: обеспечение экономического роста и соответственно стабильности западных провинций (СУАР), формирование рынка сбыта своим товарам на пространстве от Центральной Азии до ЕС, получение доступа к природным ресурсам региона Центральной Азии.

В свою очередь, Россия стремится, прежде всего, усилить свое военное присутствие в Центральной Азии через механизмы ОДКБ (военные базы в Таджикистане и Кыргызстане, перевооружение армий обеих республик). С одной стороны, это позволяет сдерживать США в регионе, с другой – гарантирует возможность создать противовес экономическому влиянию КНР. Иницилируемые же Москвой евразийские проекты (ЕврАзЭС, Таможенный союз, ЕЭП, ЕАЭС) в настоящее время находятся на начальном этапе развития, тогда как двусторонние отношения стран Центральной Азии с КНР имеют двадцатилетнюю историю, что отражается и на экономических показателях. Так, товарооборот между участниками Таможенного союза – Казахстаном и Россией в 2012 году вырос только на 6,8%, а между Казахстаном и Китаем – на 25%¹.

Вместе с тем РФ, реагируя на американский проект «Нового Шелкового пути» и европейско-китайский CAREC, закладывает основу схемам евразийского сухопутного транзита. В частности, после Бишкекского саммита глав правительств ШОС в декабре 2012 года, на котором Кыргызстан лоббировал идею финансирования странами-участницами ШОС железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан, на неофициальном саммите глав государств-участниц ОДКБ была озвучена инициатива строительства железнодорожной магистрали Россия – Казахстан – Кыргызстан – Таджикистан. При этом тип организаций, в рамках которых эти инициативы озвучивались, отражает тактики вовлечения стран Центральной Азии в зоны интересов России и Китая, «солдата поневоле» и «молчаливого торговца».

¹ Барский К. ШОС накануне саммита в Бишкеке: задачи момента (18 июля 2013) // URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=11687>

Россия не может полностью остановить экономическое проникновение КНР в регион, поэтому, вероятнее всего, будет лоббировать предложение формирования банка и фонда ШОС на основе капитала Евразийского банка развития, что, с одной стороны, отчасти удовлетворит экономические притязания в Центральной Азии Китая, с другой стороны, позволит Москве держать «руку на пульсе». В то же время Россия должна учитывать заявления представителей Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, с которыми они выступили на заседании глав правительств стран-участниц ШОС. Они заявили о том, что для их стран вопросы финансово-экономической помощи и строительства транспортных магистралей играют первостепенную роль, и если эти вопросы не будут решены на уровне ШОС или евразийских структур, то они будут заниматься ими в двустороннем формате (или с КНР, или с США). Принимая во внимание ограниченность финансового потенциала РФ, ШОС в этом отношении выглядит наилучшим выходом.

Такой расклад карт, предлагаемый Россией, может вполне устроить и КНР. С одной стороны, Пекин сохраняет с РФ единую позицию по ряду важнейших геополитических проблем, что не позволяет Западу ее игнорировать. С другой стороны, задача обеспечения военной безопасности региона остается в ведении России, что создает условия для дальнейшего наращивания экономического присутствия в Центральной Азии и позволяет избежать обвинений в планомерной экспансии на фоне сотрудничества с Россией. Вместе с тем у Китая появляется возможность сосредоточиться на Азиатско-Тихоокеанском регионе, где нарастают противоречия с Японией – главным союзником США в регионе.

В свою очередь, центрально-азиатские страны, во-первых, получают гарантии поддержки в случае отказа сотрудничать с США, во-вторых, массивную финансово-экономическую помощь. В этом отношении особую позицию занимает только Узбекистан, участие которого в организации детерминировано, прежде всего, экономическими перспективами сотрудничества с КНР, о чем свидетельствуют его отказ от участия в военных учениях ШОС в 2012 году и отсутствие его экспертов

в обсуждении предстоящих в сентябре 2013 года учений «Стихия – 2013» в Кыргызстане.

Таким образом, в настоящее время отношения КНР и России на геополитическом пространстве Центральной Азии носят двойственный характер. С одной стороны, оба государства нацелены на сотрудничество, используя различные сферы для распространения своего влияния, ввиду присутствия в регионе третьего игрока – США, который проявляет явно гегемонистские устремления. С другой стороны, экономическое усиление Китая в Центральной Азии не может не затрагивать региональных интересов России. Доминирование в военной сфере на фоне социально-экономического кризиса, переживаемого странами региона, не может стать единственной основой долгосрочного присутствия РФ в регионе.

Вместе с тем для России достаточно трудно конкурировать с Китаем в сфере экономики. Тактика КНР по экономической привязке региона на основе двустороннего сотрудничества выглядит более привлекательной, нежели предлагаемые Россией интеграционные проекты, сопряженные с обязательствами и гарантиями стран-участниц в свете отсутствия у Москвы таких финансовых резервов, как у КНР. Кроме того, необходимо учитывать и «потерянное десятилетие» 1990-х годов, когда Россия фактически прервала все торгово-экономические связи с центрально-азиатскими странами, и отсутствие опыта владения механизмами «мягкой силы», о необходимости использования которой было указано лишь в 2013 году в Концепции внешней политики РФ.

Между тем представляется, что эта игра интересов могла бы продолжаться еще длительный период российско-китайских отношений и привести к достижению взаимовыгодного, нацеленного на долгосрочную перспективу компромисса. Однако такое развитие событий противоречит интересам в регионе США. Учитывая сложность геостратегического положения Центральной Азии (близость КНР и России), которую часто сравнивают с Балканским полуостровом – «пороховой бочкой» Европы, США не могут использовать прямые силовые меры, как в случае с Югославией. Механизмы «мягкой силы» (демократизация

политических систем и либерализация экономик) практически в полной мере доказали свою эффективность только в Кыргызстане. В этой ситуации наилучшей тактикой представляется столкновение двух потенциальных соперников. США намеренно подталкивают КНР к усилению позиций в Центральной Азии, являющейся зоной традиционных интересов РФ. В частности, поддерживая через МВФ и Всемирный банк проекты программы CAREC, дестабилизируя обстановку в странах Ближнего Востока и Северной Африки, которые обеспечивают более 80% импорта углеводородов Китая. Последнее, с одной стороны, позволяет содействовать экономическому развитию своего трансатлантического союзника – ЕС, с другой, на фоне инициирования программы Транстихоокеанского партнерства, развернуть Китай в сторону Центральной Азии и стать камнем преткновения на пути импорта Китаем энергоносителей из России.

Ввиду этого, в целом, перспективы развития китайско-российских отношений в регионе Центральной Азии в русле сотрудничества зависят от того пространства для маневра, которое еще сохраняется между ними, и которое позволяет им находить компромиссные решения и точки пересечения интересов, не препятствующие достижению ими своих геостратегических целей.

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СФЕРА КЫРГЫЗСТАНА КАК ОБЪЕКТ
ВНЕШНЕГО ИНФОРМАЦИОННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ**

Обеспечение национальной безопасности Кыргызстана во многом зависит от стабильности общественно-политической сферы, которая остается объектом информационно-психологического воздействия со стороны различных сил. В их числе мировые державы, стремящиеся к достижению геополитического превосходства в регионе, а также местная политическая элита, пытающаяся захватить и удержать власть. В борьбе за власть объектом становятся общественное сознание и политические настроения населения, а целью – внедрение и культивирование желаемых идей, достижение информационного контроля над общественным мнением, целенаправленного управления деятельностью, политических и общественных организаций, населения страны. Информационно-психологическое воздействие позволяет управлять не только отдельными личностями, но и формальными и неформальными социальными группами, государственными институтами и государством в целом. В результате, это приводит к угрозе безопасности государства на различных уровнях.

Происходящие общественно-политические события в Кыргызстане показывают, что открытость национального информационного пространства и существующий информационный прессинг средств массовой информации и коммуникаций, в том числе и электронных, создают атмосферу напряженности и общественно-политической нестабильности в обществе. Повышению роли информационных технологий в манипулировании общественным мнением способствует вмешательство отдельных иностранных государств во внутренние общественно-политические сферы Кыргызстана, превратив его территорию в новый тип информационно-политического пространства. Манипулирование внутривнутриполитической ситуацией в стране «внешними

силами» остается до сегодняшнего дня высоким. Этому способствует отсутствие действенной системы государственного управления по вертикали и горизонтали, эффективных коммуникаций между центральными и местными органами власти¹.

Присутствие многочисленных «внешних сил» наблюдается во всех регионах республики, где они развернули сетевые структуры по проведению мониторинговых исследований в области различных сфер и реализации всевозможных проектов и программ с участием всех слоев населения. Результаты последних используются для формирования нужной информационной среды в республике с целью лоббирования интересов иностранных государств. Это отмечается в действиях отдельных из них, усилия которых направлены на создание условий для принятия выгодных для себя и их деловых кругов решений в общественно-политической сфере. В случае оказания им сопротивления они применяют прессинги на властные структуры нашей страны.

В общественно-политической сфере при проведении информационно-психологического воздействия используются манипулятивные политические технологии с учетом современных средств доведения информации до потребителя. Телекоммуникационные и компьютерные технологии применяются в таких общественно значимых акциях в Кыргызстане, как политическая реклама, выборы, различные геополитические процессы, всевозможные конфликты. Широкое применение информационно-психологического воздействия в информационно-коммуникационных процессах дезориентирует социально активную часть населения страны, вызывает социальную напряженность, что не позволяет населению объективно воспринимать общественно-политическую ситуацию, деятельность высших органов государственной власти. Длительное оказание информационно-психологического воздействия на население приводит к искажению и «угасанию его самосознания»², и как следствие,

¹ Национальная стратегия устойчивого развития Кыргызской Республики на период 2013–2017 годы // URL: <http://medialaw.asia/posts/04-05-2014/81355.html>

² *Широнин В.* КГБ – ЦРУ: Секретные пружины перестройки. – М., 1997. – С. 77.

к снижению морально-психологической готовности оказать им сопротивление. Сложившаяся общественно-политическая обстановка в Кыргызстане создала условия для политизации населения, которое очень восприимчиво к открытой и скрытой информации, содержащейся в средствах массовой информации и коммуникаций. При этом население неспособно объективно оценить характер воздействия информации на его психику и поведение, что легко выводит их на улицу для принятия участия в антиобщественных массовых акциях. По данным МВД КР, только в 2013 году в Кыргызстане проведено 519 митингов политического характера¹.

Средства массовой информации и коммуникаций, применяя методы подсознательного воздействия, с помощью стереотипных представлений формируют отношение населения к тем или иным явлениям, которые вводятся в поток информации, автоматически вызывая в массовом сознании отрицательную или положительную реакцию на конкретное определенное событие. Данное обстоятельство приводит к напряжению общественно-политической ситуации, что затрудняет реформирование общества. В этой ситуации возникает потребность в квалифицированном анализе негативных последствий распространения информации манипулятивного характера, материалов дезориентирующих общественность, особенно в связи с предстоящими парламентскими выборами в стране. Именно выборный процесс в республике всегда был предметом проведения антиобщественных массовых акций, переросших в «цветные революции». С учетом этого обстоятельства материалы СМИ не должны поставаться в информационное пространство Кыргызстана бесконтрольно. Государство, защищая свободу потребителя, обязано регулировать информационное поле в рамках закона с учётом негативных последствий информационно-психологического воздействия, проводимого через средства массовой информации. Опыт зарубежных государств показывает, что исследование материалов СМИ проводится по заданию парламентских комиссий, правительственных органов и общественных организаций

¹ В Кыргызстане в 2014 году прошло более 400 мирных собраний (12/03/15) // URL: <http://www.24.kg/obschestvo/8741/>

в целях определения возможных негативных последствий их влияния на индивидуальное и массовое сознание.

В борьбе за общественно-политическую сферу используются компьютерные сети, которые позволяют осуществлять завуалированный контроль. Современная информатизация дает возможность «просветить» жизнь, настроения, планы любого лица или организации, так как компьютерные сети позволяют накапливать, сохранять и использовать все информационные следы, оставленные в массивах компьютерных данных. Быстрый и удобный доступ ко всей имеющейся информации о конкретном человеке или организации, ее центральная обработка, систематизация и обобщение дают в руки субъектам мощное оружие по пресечению нежелательных действий, косвенному управлению поведением.

Глобальная сеть Интернета, в частности социальные сети, стали удобной площадкой для коммуникаций и организации проведения различных антиобщественных акций. Интересу к использованию социальных сетей для проведения антиобщественных акций в Кыргызстане способствует большое количество онлайн-пользователей социальных сетей и снижение популярности традиционных коммуникационных ресурсов. На февраль 2014 года доступ к Интернету по сети wi-fi имели 85% населения¹, в конце 2013 года число пользователей социальной сети «Facebook» составило около 168 тысяч человек. На 8 октября 2014 года в Кыргызстане зарегистрировано 194 тысячи пользователей «Facebook» в возрасте от 13 до 65 лет². Активными пользователями «Facebook», в основном, является молодёжь в возрасте от 18 до 24 лет³, так называемое социологами «поколение Y» (родившиеся после 1980 года, для которых Интернет стал неотъемлемой частью их жизни). Практически все пользователи Интернета имеют аккаунты в различных социальных сетях, что

¹ 85% жителей Кыргызстана обеспечены доступом к Интернету по сети wi-fi, – Темир Сариев // URL: <http://www.knews.kg/society/46005>

² Когда отключат Фейсбук в Кыргызстане? // URL: <http://www.kp.kg/daily/26293.4/3170629/>

³ Число пользователей соцсети Facebook в Кыргызстане достигло почти 170 тыс. // URL: <http://www.knews.kg/society/40838>

дает возможность ведения масштабного информационно-психологического воздействия, а также для формирования и распространения информации, предназначенной для склонения в нужную сторону общественного мнения по наиболее острым и актуальным политическим вопросам.

В последние годы в Кыргызстане для проведения политических акций активно используется один из популярных видов манипулирования людьми, так называемый «флэш-моб», основанный на возможности быстрого обмена информацией посредством сети Интернет и мобильной связи. Впервые «флэш-моб» был использован в Кыргызстане в апрельских событиях 2010 года, когда одновременно в нескольких регионах начались антиобщественные массовые акции. С помощью мобильной связи и Интернет организаторы массовых акций координировали свои действия, создавая у населения чувство сопричастности к происходящим событиям. В последующем все происходящие антиобщественные массовые акции проводятся с использованием «флэш-моба», который стал излюбленным методом политорганизаторов. «Флэш-моб» выводит на улицу сотни недовольных людей, которые своими действиями усугубляют общественно-политическую ситуацию, дестабилизируют обстановку в стране.

Серьезное воздействие на политическую ситуацию в стране оказывают внедренные иностранными государствами во властные структуры Кыргызстана в качестве советников и консультантов специалисты по политическим вопросам, заинтересованные в принятии решений по тем или иным стратегическим вопросам в пользу своих стран. При этом важная роль отводится агентам влияния, так называемым отечественным «реформаторам», которые не всегда понимают истинные намерения внешнего информационного воздействия и проводят политику разрушительных реформ западного или восточного образца. Как отмечает Джордж Сорос, «гражданское общество хорошо справляется с критикой и мониторингом, но должно существовать что-то, что можно сделать подконтрольным и подотчетным. Мы организовали учебные курсы для государственных служащих, а также выделяли стипендии гражданам, которые получали образование

за границей и возвращались домой, чтобы работать в органах управления. Кроме того, мы предоставляли в распоряжение правительств иностранных экспертов. Это была стратегия заполнения пустоты»¹.

С учетом вышесказанного можно обозначить следующие основные интересы иностранных государств в общественно-политической сфере Кыргызстана, выступающего в качестве объекта информационно-психологического воздействия:

- информационно-психологическое воздействие на разработку и реализацию стратегии внешней политики Кыргызстана с последующим ее подчинением интересам иностранных государств;

- распространение за рубежом дезинформации о проводимой внешней политике Кыргызстана, отвечающей интересам иностранных государств;

- проталкивание своих ставленников в структуры власти в целях оказания информационно-психологического воздействия на процессы принятия решений, подбор и расстановку кадров.

- информационно-психологическое воздействие на ключевые фигуры государственного сектора политики Кыргызстана;

- создание информационного вакуума в целях введения в заблуждение населения о внутри- и внешнеполитической деятельности руководства Кыргызстана;

- использование местных средств массовой информации для пропаганды программных целей и задач иностранных государств;

- создание условий для ослабления морально-политического потенциала населения и военнослужащих Кыргызстана;

- разжигание политической, национальной и религиозной вражды между различными социальными слоями населения и личного состава вооруженных сил;

- использование этно-религиозных противоречий на юге страны для разжигания политических конфликтов;

- создание условий для оттока интеллектуального потенциала, а также разрушения всей системы подготовки кадров;

¹ *Сорос Джордж*. Эпоха ошибок: Мир на пороге глобального кризиса. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – С. 150.

– формирование нового политического мышления, психологических мотивов и стереотипов у социально активной части населения;

– создание в стране ситуации «управляемого хаоса» в целях достижения запланированных результатов.

Как показывают факты, противостояние власти и общества, недовольство общества властью обуславливает применение иностранными государствами технологий информационно-психологического воздействия в своих целях. Данное обстоятельство требует выработки действенной государственной политики в общественно-политической сфере в целях защиты общественно-государственного строя, сохранения суверенитета и территориальной целостности, морально-психологического здоровья нации, а также укрепления политической стабильности страны.

Для защиты своих национальных интересов, отмечается в Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики, она должна проводить рациональную и прагматичную внутреннюю и внешнюю политику, которая позволила бы исключить негативное воздействие на них различных угроз¹. Обеспечение национальной безопасности, говорится в этом документе, предусматривает разработку и реализацию комплекса мер и целенаправленной деятельности государственных и общественных институтов, а также граждан, принимающих участие в выявлении, предупреждении различных угроз безопасности и в противодействии им.

В целях решения проблемы обеспечения безопасности в общественно-политической сфере руководству страны необходимо в кратчайшие сроки разработать стратегическую программу по противодействию технологиям информационно-психологического воздействия с учетом кризисных процессов. При ее наличии мониторинг средств массовой информации и коммуникаций, в том числе и электронных, позволяет выявлять:

– присутствие манипуляций в сообщениях, направленных на дестабилизацию общественно-политической обстановки;

¹ Указ «О Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики» от 1 июня 2012 г. // ЭркинТоо от 15 июня 2012 г. № 53.

- дезинформационные материалы, используемые в ходе избирательных кампаний;
- материалы, оказывающие отрицательное влияние на формирование подрастающего поколения и молодёжи;
- содержание и технологию обработки лиц, привлекаемых к деятельности деструктивных сил и сект;
- утечку сведений, составляющих государственную тайну;
- информацию о кризисных ситуациях, затрудняющих работу силовых структур в ходе проведения операций по нейтрализации действий деструктивных сил.

Эффективное использование возможностей отечественных средств массовой информации и коммуникаций, во взаимодействии с общественностью, направленных на создание благоприятных внутренних и внешних условий в общественно-политической сфере, принесло бы значительные положительные результаты для обеспечения национальной безопасности Кыргызской Республики.

**К ВОПРОСУ ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ
И ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
В КЫРГЫЗСТАНЕ**

Социальные и экономические причины начала 90-х годов прошлого века привели к активизации миграции населения Кыргызстана за рубеж, а также с периферии в направлении Бишкека и Чуйской области. В сельской местности, которая превратилась в главный источник как внешней, так и внутренней миграции, это было обусловлено, в первую очередь, разрушением системы колхозов и совхозов, перекосами, допущенными в процессе проведения аграрной реформы. Люди либо полностью потеряли работу, либо получили землю при отсутствии необходимой сельхозтехники и кредитов. Деграция школьного образования и медицинского обеспечения также стала важным фактором, обусловившим массовый отток населения из сельской местности, из которой регистрируется наибольшее число мигрантов. Миграция в постсоветском Кыргызстане приобрела настолько широкий размах, что превратилась в важный фактор воздействия не только на его экономическое и политическое развитие, но и на безопасность государства.

В статье ставится цель показа основных тенденций как внешней, так и внутренней миграции в Кыргызстане на примере Баткенской области. Баткенская область – наиболее конфликтно-генный регион. Акцент на рассмотрение ситуации в Баткенской области Кыргызстана был сделан по причине того, что она наиболее сильно подвержена негативным аспектам миграционных процессов, межэтническим столкновениям и противоречиям с соседними государствами.

В Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане по-разному складывается ситуация в приграничных областях, находящихся в Ферганской долине. Так, Баткенская область Кыргызстана с

населением в 479 тыс. человек¹ явно уступает по человеческому потенциалу соседним Согдийской области Таджикистана (2 млн 410 тыс. человек²) и Ферганской области Узбекистана (3 млн 28 тыс. человек³). К тому же эти области, в отличие от Баткенской, являются значительно более индустриально развитыми. Естественно, что в условиях крайнего дефицита пригодных для обработки земель, а также территорий под жилищное строительство, *возрастает демографическое давление* со стороны Таджикистана и Узбекистана на значительно менее заселённую территорию Баткенской области Кыргызстана.

Способствует миграционным процессам в Баткенской области и наличие между КР и соседними РТ и РУз значительного числа не делимитированных участков государственной границы. Так, между РТ и РУз неуточнёнными являются 16% протяжённости общих рубежей⁴. Между КР и РУз таковыми являются 27%⁵ и между КР и РТ – около 50% границы.⁶

Несмотря на правовой статус неуточнённых территорий Баткенской области, они заселяются гражданами соседних областей Узбекистана и Таджикистана ещё с 1980-х годов⁷, что уже сейчас создаёт для кыргызской стороны проблемы в разделе

¹ В Баткенской области на начало 2015 года численность населения составляет 479 тыс. 204 человек, из них 29 тыс. безработные // URL: <http://turmush.kg/ru/news:110899/>

² Встреча выпускников Фонда Ханнса Зайделя Согдийской области // URL: <http://www.hss.de/centralasia/ru/tadzhikistan/novosti-tadzhikistan-2014/vstrecha-vypusknikov-fonda-khannsa-zaidelja-sogdiiskoi-oblasti.html>

³ Узбекистан: Численность населения превысила 30 миллионов человек // URL: <http://www.fergananews.com/news/20252>

⁴ Таджикистан и Узбекистан не договорились об окончательной делимитации границы // URL: <http://russian.people.com.cn/31519/7739278.html>

⁵ Граница Киргизии и Узбекистана: спорные земли и перспективы умиротворения // URL: <http://www.odnako.org/blogs/granica-kirgizii-i-uzbeki-stana-spornie-zemli-i-perspektivi-umirotvoreniya/>

⁶ Как решить приграничные конфликты? // URL: <http://news.tj/ru/newspaper/article/kak-reshit-prigranichnye-konflikty>

⁷ Справка-обоснование к проекту Закона Кыргызской Республики «О придании статуса отдельным приграничным территориям Кыргызской Республики и их развитию» // URL: www.kenesh.kg/lawprojects/DocumentDownload.ashx?type...id

спорных территорий. Возможно, в этом и кроется причина затягивания со стороны соседних Узбекистана и Таджикистана процесса делимитации совместных рубежей, так как посредством постепенной миграции собственных граждан на территорию сопредельной Баткенской области Кыргызстана, Таджикистан и Узбекистан получают больше возможностей для последующего решения вопроса границ в собственную пользу с меньшим ущербом для политического имиджа своих руководителей. Кыргызстан же в данной ситуации находится в наименее выгодном положении. Ведь одностороннее форсирование процесса делимитации возможно лишь путём предоставления соседним государствам более выгодных условий в ущерб себе. Но, однако, даже такой вариант развития событий маловероятен в силу горького предыдущего опыта, когда вопрос границ использовался внутренней политической оппозицией в качестве одного из первостепенных обвинений при свержении двух предыдущих президентов. Поэтому Кыргызстану не остаётся другого пути, кроме как продолжать переговоры по вопросам границ с соседними государствами, строить объездные пути вокруг анклавов и пытаться законодательными методами сдержать население соседних областей от въезда, а собственное население юридическими и экономическими способами от выезда с территории приграничной Баткенской области.

Второй не менее весомой причиной, обуславливающей массовый отток населения из Баткенской области, является *возрастающее число межэтнических конфликтов* с гражданами соседних государств. Так, только за 2014 год было зарегистрировано 32 инцидента на кыргызско-таджикском и 5 на кыргызско-узбекском участках госграницы¹. Поиск более спокойного и благополучного в этом плане места жительства для себя и своей семьи, естественно, побуждает к выезду в другие регионы страны. «Из-за бесконечных конфликтов с гражданами Таджикистана, опасаясь за будущее своих детей, наши граждане вынуждены продавать свои дома гражданам Таджикистана и выезжать в Бишкек

¹ 40 приграничных инцидентов зарегистрировала Пограничная служба в прошлом году // URL: http://www.knews.kg/action/63138_40_prigranichnyih_intsidentov_zaregistrirovala_pogranichnaya_slujba_v_proshlom_godu/

или Чуйскую область», – говорится в справке-обосновании к законопроекту об особом статусе приграничных территорий¹. Значительный выезд граждан Кыргызстана из пограничной Баткенской области на сегодняшний день осознаётся как фактор, несущий угрозу национальной безопасности.

Таким образом, постепенное *переселение в пределы Кыргызстана граждан других государств* либо массовое вхождение их в кыргызское подданство несёт угрозу национальной безопасности республики. Во многом ввиду того, что «пришлые» граждане имеют крепкие связи со страной исхода, они прошли социализацию за пределами КР, не проявляют патриотического отношения к своей новой родине и потенциально могут инициировать и поддержать политику соседних государств в вопросах, касающихся как внешней, так и внутренней политики нашей страны.

Положительные аспекты миграционных процессов в Кыргызстане

Выезд граждан в трудовую миграцию либо же на постоянное место жительства снижает конкуренцию на рынке труда и спрос на рынке жилья, что сказывается *на ослаблении внутреннего конфликтного потенциала в стране*. Учитывая, что юг Кыргызстана всегда показывал большую положительную динамику прироста населения (особенно узбекская и таджикская часть населения), то для Джалал-Абадской, Ошской и Баткенской областей она в целом представляет возможность «сравить» демографическое давление, возникающее к тому же в условиях ограниченности природных ресурсов и переизбытка предложения на рынке труда. Такое «сравливание» позволяет снизить и межэтнический конфликтный потенциал. Однако для Баткенской области данный процесс ввиду повышенного демографического давления со стороны соседних Узбекистана и Таджикистана содержит достаточно большое количество рисков.

Другим положительным аспектом миграционных процессов является то, что в процессе активных перемещений населения

¹ Справка-обоснование к проекту Закона Кыргызской Республики «О придании статуса отдельным приграничным территориям Кыргызской Республики...

в значительной степени *нивелируются региональные и родовые различия, ослабляется трайбализм*. Особенно этот процесс отчётливо виден в столице Кыргызстана и Чуйской области, а также в других крупных городах страны. Совместная работа с людьми из разных регионов и общие экономические интересы выходят на первый план, отодвигают на второй план вопросы кланово-регионального деления, в значительной степени снижают потенциал межнациональных противоречий.

Отрицательные аспекты миграционных процессов

Наблюдается *экономически неравномерное развитие между городом и селом*. Рабочая сила в избытке присутствует в крупных городах, но в сельской местности специалисты рабочих специальностей выехали, в результате чего был потерян потенциал для ее хозяйственного восстановления¹.

Проявляется фактор *неравномерного экономического развития* не только между селом и городом, но и *между регионами*, так как некоторые области являются либо полностью, либо по преимуществу сельскохозяйственными, а следовательно, и менее финансово обеспеченными². Миграционные процессы в ещё большей степени усиливают их экономическое отставание. Это явление особо сильно проявляется на примере Баткенской, Таласской, Нарынской областей Кыргызстана.

Другим негативным фактором является то, что массовый выезд населения из сельской местности, по сути, *не решает проблему бедности, а усугубляет ее* в первую очередь для тех, кто остался³. Так, в соответствии с выводами Среднесрочной программы развития КР на 2012–2014 годы из числа всех живущих за чертой бедности (2010 г.) 74,4% проживали в сельской местности.

«В любом исследовании по миграции в Кыргызстане и Центральной Азии бедность и безработица приведены в качестве основной причины миграции. Однако такие теории, как теория

¹ Национальная стратегия КР «Комплексное развитие села до 2010 года» // URL: http://new.agro.kg/ru/agro_legislation/52/

² Комплексная основа развития Кыргызской Республики (2001) // URL: <http://rus.gateway.kg/content/strategy/cdf/71>

³ Там же.

социальных сетей, институциональная теория и теория миграционных систем, объясняют, что экономические причины могут быть первоначальными, но очень скоро миграция развивает свою собственную внутреннюю динамику и не нуждается в таком факторе, как бедность. Концепция бедности, как мы увидели, больше превращается в оправдание, тогда как в реальности миграция порождает еще большую нищету и пассивную зависимость от денежных переводов в деревнях»¹, – делают вывод эксперты по результатам полевых исследований.

Немаловажным негативным аспектом массового выезда населения из сельской местности является то, что в сёлах остаются старики и дети, на содержание которых мигранты отправляют деньги (если не могут забрать их с собой). В результате, в семьях происходит процесс деградации традиций, молодёжь часто не получает знаний о культуре, положительных нравах народа от своих родителей, а старики часто не являются авторитетами для подрастающего поколения. *Деградация традиций общества* имеет крайне негативный эффект в виде маргинализации населения, криминализации нового поколения, вхождения его в различные экстремистские и религиозно-экстремистские организации². Также наличие значительного числа бедных и маргинализированных слоёв населения всегда является конфликтогенным фактором, снижающим стабильность общества в целом.

Рекомендации:

1. Повышать эффективность функционирования государственного аппарата страны для развития экономики, решения острых региональных проблем, повышения жизненного уровня населения и улучшение доступа к социальной инфраструктуре.

2. Продолжить работу в сфере законодательства по предоставлению жителям приграничных территорий преференций и государственных гарантий, а также запрещению переселения на ее территорию граждан иностранных государств.

¹ Аблезова М. , Насритдинов Э., Рахимов Р. Влияние миграции на старшее поколение: Старики во главе домашних хозяйств в Кыргызстане. – Бишкек, 2008. – С. 19 // URL: https://www.auca.kg/uploads/Migration_Data_base/Impact%20of%20migration%20on%20elderly,%20rus.pdf

² Там же.

3. В сфере решения приграничных вопросов предлагается использовать принцип сегодняшнего фактического расселения этносов, применять который следует только к неделимитированным участкам.

4. Государствам приграничных областей Ферганской долины следует интенсифицировать процесс поиска компромиссных решений по вопросам делимитации границ. Уточнение неопи- санных пока участков позволит значительно снизить частоту и опасность конфликтов на границе и, тем самым, будет способ- ствовать снижению уровня миграции.

5. Целесообразным является привлечение третьей стороны, в том числе внерегиональных держав или авторитетных между- народных организаций, в решение пограничных вопросов, кото- рые предложат варианты решения споров, а государства региона выберут наиболее компромиссный из них.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступительное слово</i>	3
<i>Предисловие</i>	5
Салиев А. Л. Народные суды в системе органов «туземного» самоуправления в царистском Туркестане	9
Таткало Н. С. Либерально-демократическая рациональность электората как фактор стабильности демократии в Кыргызстане	25
Омаров М. Н. О роли права в становлении рациональной государственности в европейских странах и целях его применения в Кыргызстане	37
Мураталиева З. Т. Перспективы трансформационных процессов в Центральной Азии и роль внешних воздействий на их развитие	53
Асанбеков М. К. Проблемы построения теории евразийской интеграции	75
Токсоналиева Р. М. Субъекты и объекты внешнего информационно-психологического воздействия в отношении Кыргызстана	83
Вейцель Р. В. Историческая ретроспектива этничности и миграционных процессов в Ферганской долине	90
Омаров М. Н. О некоторых проблемах рационально-бюрократической трансформации в сфере управления европейских стран и их значения для укрепления демократических институтов Кыргызстана	95
Мураталиева З. Т. Взаимодействие геополитических центров силы в Центральной Азии: политологический анализ.....	113
Токсоналиева Р. М. Общественно-политическая сфера Кыргызстана как объект внешнего информационно-психологического воздействия	122
Вейцель Р. В. К вопросу об отрицательных и положительных аспектах миграционных процессов в Кыргызстане	130

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАБИЛЬНОГО
И БЕЗОПАСНОГО РАЗВИТИЯ КЫРГЫЗСТАНА**

Сборник статей

Техническое редактирование, компьютерная вёрстка – *Кузьмина Т. А.*

Подписано в печать 29.10.2015 г.
Бумага офсетная. Формат 60х84 1/16
Объем 8,6 п. л. Тираж 150 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, г. Бишкек, ул. Горького, 2